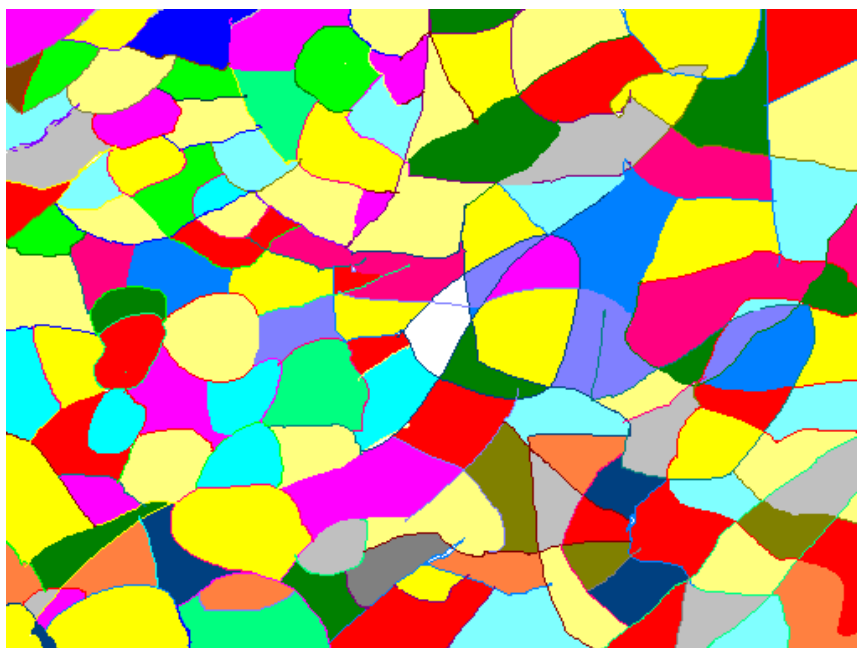

The background is a dense, abstract composition of numerous overlapping, irregular shapes in a wide variety of colors including red, yellow, green, blue, cyan, magenta, grey, and brown. The shapes vary in size and orientation, creating a complex, mosaic-like texture. Two lines of text are superimposed on this background. The first line, 'Поэмы', is centered horizontally and positioned in the upper-middle section of the image. The second line, 'Априот', is also centered horizontally but positioned lower, in the bottom-middle section of the image. Both words are rendered in a bold, black, serif typeface.

Поэмы

Априот

Поэмы

Поэмы – вторая глава из собраний сочинений «Фантастика и философия XXI века» Кирнасова Романа Ивановича под псевдонимом – Априот. В поэмах показан философский смысл некоторых различных, по-своему содержанию, вымышленных историй. Книга предлагается только взрослой аудитории, так как в ней описываются приключения разного характера и жанра. Направление – ан-деграунд.

Автор:

Априот (единая личность души, тела и сознания),

Кирнасов Роман Иванович (сознание тела),

Джин (сознание души – подсознание).

Априот

0.«Фантастика и философия XXI века»

0.2. Поэмы.

0.2.1. «Рифмованный смысл».

Я – рифмованный смысл, я кумарю тебя,
Того, кто сейчас здесь читает меня.

Сказку я о себе начинает толкать,
Так как я хочу, чтоб меня ты мог знать.

Нет во мне пустоты, нет во мне чистоты,
Если я не вернусь – не вернёшься и ты.
Смысл в любви – это грусть, и она будет пусть,
Чтобы полный набор освещал в жизни путь.

Смысл в игре, лишь один – поучаствовать, блин.
Ведь играют в игру, – интерес, «угу-гу».
Поиграть – это суть, ну а проиграть – опыт,
Чтобы в следующий раз всё же выиграть, может.

В чём же смысл любви? Для чего это надо?
И какая за это будет людям награда?
Смысл в любви – то уловка и простая преграда,
Один уровень в классе, то есть просто – досада.

В чём же смысл пустоты? Не узнаешь и ты.
Смысла нет в пустоте, то есть, нету, меня.
Почему меня нет? Только, лишь, потому –
Исключение из правил – пустота, угу-гу.

В чём смысл смысла, вы хотите узнать?
Хотя, вообще, мне, смыслу, – всё ж на это плевать.
Смысл смысла – квадрат, то есть смысл двойной,
Ну, а его смысл это куб – смысл тройной.

Смысл я вот такой, изменяюсь всегда,
Чтоб меня ты догнать не смогла никогда.
Ты понял, вроде смысл, и схватил ты меня,
Ну а я, прям как дым, – растворился слегка.

Смысл вам не догнать, вы поверьте, друзья,
Потому что, свободу, я очень, любя,
Вашим быть не хочу и не буду совсем,
Я останусь один, весь рифмованный всем.

Сухим я вышел из воды, сухим пойду теперь я дальше,
Сухим останусь навсегда, чтоб больше не видеть мне фальши.
Два раза в воду не войдёшь, её два раза не полюбишь,
А если вступишь второй раз – её другой ты обнаружишь.

В чём смысл существования материй?
Лишь только в том – чтобы быть с душой.
В чём смысл их объединений?
Лишь только в том – чтобы быть собой.

Зачем вообще я нужен всем? Затем, что без меня совсем
Не существует ничего, кроме пустоты, и всё.
Я часть всего и каждого, главнейшая я часть.
И без меня пропавшего, придётся всем пропасть.

Но я не исчезну, хоть и захочу,
С единой Вселенной я не укачу,

С единой программы, ведь выход один,
Он лишь в пустоту, он не заменим.

А как вы поняли меня, там – то нет,
Поэтому я оставляю свой след.
Как мне без тебя – так тебе без меня, -
Совсем не получается быть никогда.

Я, рифмованный смысл, догоняю тебя,
Ну а ты аж совсем не гонись никогда.
Просто душу открой, и меня полюби,
Потому что тебя я уже заслужил.

Без тебя тяжело, без тебя не легко,
Без тебя мне любить больше не суждено,
Без тебя не могу, без тебя не хочу,
Потому что тебя до сих пор я люблю.

0.2.2. „Объявление” или „Поэма о Кваземорде”.

Жил-был Кваземорда, его так дразнили;
В него все плевали, когда проходили.
Бомжём он всю жизнь свою был без желанья,
Ведь он был урод, – своего пониманья.
Он с детства бродил по подвалам, вокзалам,
И все его, в общем, уж не замечали.
Питался отбросами, нюхал носки,
Ну а по ночам выл, как волк, от тоски.
Была и мечта у него золотая:
„Чтобы жена была очень крутая,
К тому же, чтоб мужа очень любила, -
Такого, как есть – урод, дебила”.
И вот, Кваземорда, копаясь в помойке
Нашёл замусоленную газетёнку.
Читать он умел, и даже писать,
Его научили, так, годиков в пять.
Увидел анкету он о знакомстве,
Заполнил её и выслал по почте.
Но вот, телефона галяк у кретина,
Ведь жил он уж хуже, чем в стойле скотина.
Поэтому адрес причала вписал,
Где, в общем, на пирсе, пристанище взял.
Там, прям, у воды, яхты стояли;
А чуть, там, по одадь, баки сверкали,
За баком с мусором была постройка,
Толи домина, толи обломка,
Может, то даже был древний сарай,
Потом стал парашей, и весь исхудал.
Ну, в общем, бомжара там «наш» проживал,
Он счастья не видел, а горе, лишь, знал.
Прошёл один день, за ним и неделя,
Потом прошёл месяц, затем – целых три.
И «гремлин» забыл про газету с объявой,
А думал, лишь, только как стыбзить суши.

Но тут в газетёнку пришло объявление:
„Хочу, мол, создать, своё поколение,
Детей очень много, ну, в общем, – семью,
Ну, а для начала, ищу, мол, жену –
Крутую блондинку на белом коне,
Ну, то есть – на «Мерсе» иль на «Шеврале»,
Богатую очень и очень блатную –
Красавицу, в общем, ищу, мол, а что;
Чтоб очень спокойная была, к тому же,
И чтоб подчинялась во всём только мужу,
Минет по утрам и кофе в постель,
И чтоб без проблем, ну, в общем, - совсем,
Ну, прям, как рабыня, чтоб просто была,
И чтобы любила очень меня.
А сам я – ушлёпок, к тому же – калека,
Моральный debil и кретин с того века,
Лицо моё, прямо, как у Ганнибала,
Отвислая челюсть, опухло «моргало»,
Все зубы кривые, а нос, уж, прогнил,
Ну а на башке нет совсем волосин.
Прописка моя – там, в норе серой мыши,
А все документы, – меня, уж, не слышат,
Живу, мол, за пирсом, за мусорным баком,
Стою я у бака всегда в позе «раком»,
Мои конкуренты: большая собака
И маленький пёс с переломанной лапой.
В душе я – Философ, романтик, поэт,
Но мне, по натуре, – не мил белый свет”.

Жила и была на том берегу
Особа такая, что я «угу-гу»,
Не то, чтобы я, а даже ни кто,
До ней не доступится даже Кусто.
Имела и дом, и машину, и дачу,
К тому же, – весь город и фирму, в придачу;
К тому же красавицей чёткой была,
И даже, без всякой косметике, да!
У ней было всё, чего пожелаешь,
Но этим её не удовлетворяешь,
Несчастлива была, как «наш» Кваземорда,
Не нравилась ей, ни чия, сука, морда,
Ведь, к морде всегда прилагалась душа,
Ну, в общем, искала она кореша,
Чтоб чист был душой и крепко любил,
Не деньги её, а её, из всех сил.
Не ладилось, в общем, у ней ни хрена,
Она к психиатру, вдруг, как-то пошла.
Он был предком Фрейда и очень умён,
И за гипер-плату ей правду привёл:
„Ты, если хочешь найти человека,
Чтоб искренним был душою и телом,

И чтобы совсем не любил беспределить, -
Тогда, мол, ищи уроды, калеку,
Ну, чтоб не похож был на человека.
А если, красивого, ты, вдруг, найдёшь, -
Тогда ты с ним лажу, большую, возьмёшь,
Он кинет на бабки, тебя отымеет,
Потом убьёт, что найти не сумеют.
Тебе выбирать, – это правда, ты знай,
И на мой совет совсем не забивай».
И вот, извлекая прикольную шнягу, –
Газету читая, красавица, вдруг,
Объяву «спалила», болел-то недуг.
Объяву она целиком прочитала,
И сразу надежда у ней замелькала,
О том, что будет у ней муж и друг,
Душою своею излечит недуг.
В раздумьях она побыла две недели,
О том, как с таким кувырнуться в постели,
Но вспомнив врача смысловатый совет,
В мыслях, согласилась сделать минет.
Поехала в тачке – на пирс прикатила,
И стала искать бомжару кретина.
Ну а Кваземорда стоял в позе «раком»,
А рядом гавкали ротом собаки,
Весна в это время уже наступала,
Своей природой всем что-то чесала,
И «наша» красавица очень хотела,
Текла каждый день от желаний и тлела.
И вот белый «Мэрс» прям к бакам подъехал
И чуть пса больного не переехал.
Окошечко, вдруг, потихоньку открылось,
И белое личико в миг появилось.
И тут наш бедняга, моральный калека,
Слегка повернулся, смотря в человека.
– Вы – бомж Кваземорда? – Спросила принцесса.
И ей захотелось блевать без абсцесса.
– Ну, да. Чего надо? – Промолвил бомжара. –
И кто Вам сказал моё имя? Задаром?
– Я Вашу объяву здесь прочитала,
Иль Вы не писали? – Принцесса сказала.
И тут Кваземорда разинул свой рот,
Мигом позабыл то, что он был урод.
Красавица «наша» блевать то хотела,
Но ради мечты, сдержалась – сумела.
Сказала бомжаре: «Садись-ка ты в тачку,
Но только, смотри, её не запачкай».
Его она шоку этим подвергла
И он удивился и застыл прям на земле.
Водила тут вышел, открыл дверцу тачки,
В перчатках засунул бомжа, всё запачкав,

Потом сел в авто, на газ надавил и умчал далеко.
Он ехал сквозь мост, через реку, назад.
Ну а у бомжа сверкали глаза.
И чтобы из шока вышел бедняга, -
Достала красавица сразу две фляги,
Ну в общем, – коньяк ему протянула,
Он выдул их махом. Не приятным подуло.
Она привезла его сразу в баню,
Его там отпарили свеженьким паром,
Массаж трёх часовый, помыли, побрили,
Почистили зубы и ногти спилили;
Потом, сразу в клинику, быстрый хирург
Провёл операцию и отвёл дух.
Его приодели, речь восстановили,
Ну, в общем – совсем его изменили.
Она забрала его прямиком,
К себе привезла, завела к себе в дом.
И сразу она себя предложила,
Чтоб попросту время ..., и так долго «ныла»...
И тут, Кваземорда, увидев "звезду",
Прилип очень быстро лицом, «угу-гу».
Лизать он ей начал, не переставая,
Что аж поломался конкретно диван.
Затем на инстинктах, засунул ей «уй»
И трахал весь год «наш» «больной» обалдуй.
Она всё текла и не уставала,
Ну, а по утрам постоянно сосала.
Режим был отличный, совсем для обоих,
"Любил" он её с голодухи своей.
Весь год он её не оставил в покое,
Совсем не на миг, он был счастлив вполне
И лишь в перерывах ел он мясо,
Она в это время ела с ним,
Ещё, в перерывах, любились в бассейне,
Купаясь и моясь вдвоём каждый миг.
И вот, через год страсть большая проходит,
Но «наш» Кваземорда с жены то не сходит,
"Любит" её днём, вечерком, по утрам,
Когда она спит – "любит" он по ночам.
А «наша» принцесса про всё позабыла
И им наслаждала все дыры свои.
И так продолжалось всё время – до смерти,
И мы здесь не брешем, вы нам поверьте.
Друг друга они всей душой полюбили,
К тому же на тело своё не забили,
Удовлетворялись, – детей наплодили,
Оставшую жизнь на халяву прожили,
Совсем не страдали, совсем не тупили,
Ни чего не курили и больше не пили;
Безумием больше они не страдали

И страстью не сильной, но всё же пылали,
 Ну, в общем, – с умом друг друга любили,
 Не спорили вовсе, совсем не тупили.
 Бабло, кстати, вовсе, совсем не исчезло,
 Проценты большие у ней были четко,
 Поэтому, в общем, – она заслужила
 Такого голодного, в сексе, кретина,
 И он тоже, в общем, - её заслужил,
 Что чист был душою, ерунду не мутил.
 Вот так вот случилось, и это бывает,
 Лишь, с теми, кто многое очень знает, -
 О том, что – чем больше у «нас» недостатков –
 Тем больше достоинств, и это так гладко.
 И если хотите найти половину –
 Объяву пишите в газету отныне.
 Но только совет мы вам свой предлагаем,
 И смысл его мы замечаем, –
 Пишите своё резюме вы не клёво,
 Верней, – о себе вы пишите не клёво,
 Все качества, полностью приуменьшайте,
 И требуйте больше, чем даже желаете;
 А это вам нужно, лишь, для того –
 Чтоб полный верняк ощутить на все сто,
 И чтоб понапрасну вас не цепляли,
 Вопросами глупыми не донимали,
 А в будущем – чтобы не упрекали
 Не требовали и чтоб не гнали.
 Верняк это круто, верняк это классно,
 Хоть даже в начале не очень прекрасно,
 Хоть даже в начале не много обидно,
 И как-то всё смутно и вроде не видно,
 Зато, чуть попозже, эффект весь пойдёт,
 И «ваша» "звезда" вас уж не задолблёт,
 И не надоест, не будет противно,
 Когда тридцать лет проживёте с ней стильно,
 И муж «ваш» не будет злой никогда,
 Если "звезда" будет готова всегда,
 Если "звезду" никогда не зажмёте.
 И если всегда по утрам «Вы» сосёте,
 То значит – Вы счастливо с ним проживёте.
 Вы не пугайтесь и не стесняйтесь,
 Не жадничайте и не тикайте...

0.2.3. «Пролактин».

«При половом акте после оргазма выделяется вчетверо больше гормона пролактина, обеспечивающего прилив удовольствия, по сравнению с оргазмом при мастурбации». Доказанный факт.

Глава I «Пролактин».

Летел самолёт над тайгой, – над Россией,
 И до конца не смог путь осилить:

Какая-то схема закоротила
И быстро то пламя, своё возбудила.
Он, вдруг загорелся, пилоты поняли,
Что случилось, вдруг то, что не ожидали.
Они пассажирам парашюты вручили
И прыгать немедля, всем поручили.
Там было людей, где-то – тридцать, примерно,
А может быть, больше, скорее, наверно.
Пять было детей, семи лет, где-то вроде,
И с ними вожатая, они были в походе;
Мужик был – философ, и девушка тоже,
Она ниже ростом и вроде моложе.
Других было разных, но смысла в том нет,
Ведь они не успели спрыгнуть, – их нет.
Вожатая, девочек двух подхватила
И в парашют к себе зацепила,
Ещё двух девчонок философу дали
И быстро, спеша, ничего не сказали;
А пятую девочку, – вручила девчонке
И прыгать собралась, молча очень звонко.
Философ, вдруг, крикнул честному народу:
«Встретимся возле сего самолёта».
Поспешно все прыгнули в миг друг за другом,
А все остальные – взорвались с испугом.
И самолёт, от взрыва лихого,
Напополам раскололся, в итоге.
Кабина его сама полетела –
Была без хвоста, и она не горела.
А хвост, – ещё раз вспыхнул в полёте, –
И нет, теперь, уже самолёта.
А те, кто спаслись, – в небе парили –
Свой страх высоты они победили,
Кольцо смыкнули, ещё пропарили, –
И на земле себя ощутили.
Они первый раз парашют раскрывали
И как с ним лететь – не понимали,
Поэтому в разных местах оказались,
Пошли все туда, где части остались.
Философ шёл, смело, общаясь с детьми,
Не верил ушам, когда слушал их сам он, –
Они, по общению, не были детьми,
Об этом они знали и сами.
Детями – индиго они оказались
И на всё, что слышали – не удивлялись,
А сами в ответ добавляли до темы,
Вот это везло в общении, с делом.
Они целый день шли до места взрыва,
И вот, наконец-то открылся пред ними:
Кусок самолёта, уже догорал...

– А где же кабина? Ни кто не видал?

– Кабина упала правее хвоста. –
Сказала Катюша и сразу пошла.
– Давайте мы всех подождём у огня. –
Сказала Анюта, глядя в далека.
Вокруг были ели, другие деревья,
Чуть дальше – поля расстилались «безмерно».
А от самолёта осталось железо,
Горело слегка и дымилось оно.
Надежда была, лишь, на кабину, –
На то, что в кабине осталось чего.
Была то весна, но морозно, однако, –
Почти крайний север, вокруг было мряко.
Снежок кое-где, виднелась река,
Вот только, река была далека.
Девчонки стояли возле тепла,
А философ, взяв палку, накалил до огня,
Разводил, полукругом, много костров,
Собрав перед этим достаточно дров.
Костры от волков, кабанов и медведей
И чтобы увидели огонь из-за елей
Другие, которые тоже спаслись,
И чтоб не петляли и быстрее прибrellись.
И вот, зашуршало поодаль, вдруг что-то,
Философ сразу увидел кого-то,
Поднёс оп на палке огонь для проверки,
В ответ он услышал слова очень мелко:
– Привет, это мы. – Поднимались девчонки.
Они снизу шли и дошли уже звонко.
Увидев подружку? Людмилу, девчонки,
Кинулись навстречу, помогать ей, но с толком.
Философ помог той, что была постарше,
Забраться на гору, её звали Наташей.
Они на бревне все сидели, общаясь
И ждали ещё троих, а те приближались.
А сзади бревна догорел уже хвост,
Ну, а впереди – костры полукругом,
Костры то пылали, ведь им помогали, –
Все вместе сухого хвороста собирали.
И вот, уже ночью пришли остальные,
Уставшие очень девчонки, и с ними
Вожатая Таня, годов тридцати,
Сказала: «Спасибо», и сразу – на «ты».
Они положили ещё бревна три,
Парашюты простелили, и спать легли.
Дежурили ночью по очереди,
На случай пришествия дикой фауны.
Быть может поодаль ходили волки,
Но близко к огню они не подошли.
Под утро все вместе пошли в направлении
Искать ту кабину, и не было лени,

Уже есть хотелось, тепла и уюта,
Но этого вовсе не было тут.
Шли целый день по лесу, блуждая
И всё ту кабину, с надеждой искаая.
Философ сказал: «Я полезу повыше
И с дерева может, кабину увижу»...
Но тут его хором девчонки прервали
И сами полезть они пожелали.
Ольга и Юля, из младших девчонок,
Полезли на дерево, смотря сквозь сосёнок.
Они ничего там не увидали,
Но куда нужно идти, – они твёрдо знали.
Философ, индиго всегда доверял
И спорить, конечно, он с ними не стал.
Наташа, которой 16 лет было,
Жестом руками всех остановила,
Увидев кабину там вдалеке,
Всем показала, пошли все к реке.
Кабина, прямо, возле речки упала,
А речка текла – очень быстро бежала.
Они по над речкой шли, увидали –
Родник бил ключом, они его ждали.
Напились все вдоволь, поместили место,
Оставив кусок парашюта на месте.
Поля были дальше, а здесь – лес густой,
Низина, слегка, была под горой.
Камней было мало, лишь только в реке,
Шумел лес устало в округе – везде.
К кабине они уже подошли
И пол самолёта с кабиной нашли.
Она вся помятая просто валялась
И ценностью, вовсе, совсем не считалась,
Холодной была и дырявой везде,
Сиденья помялись, но всё же вполне,
Много взяли чего: не много еды,
Вещи все до одной,
На счастье попался один чемодан,
В нём много патронов и один лишь «Наган».
Философ в улыбке, в миг, засверкал
И сразу пистолет он в руки взял.
Его зарядил, патроны забрал,
Но куда дальше идти – он вовсе не знал.
Решили костры вновь, ночью палить
И вроде, пока, возле кабины и быть,
Девчонки дрова пошли собирать,
Разожгли костёр и стали латать –
Все дыры помятого полу-самолёта
Завесили парашютами и залатали всё там.
Вокруг входа в это, где случился разлом,
Наложили дров и разожгли костёр.

Философ подумав, вокруг посмотрев,
 Сказал: «Вон, смотрите, там выше – удел,
 Оттуда нам нужно вокруг посмотреть,
 Быть может, чего и найдём, поглядеть».
 – Чего мы найдём, – спросила Татьяна.
 – Какой-нибудь дом, – ответил упрямо. –
 Ведь здесь кто-нибудь, всё равно кто-то был
 И он чем-нибудь может быть, наследил.
 Ведь, наверняка, кто-то жил, иль живёт,
 К себе он, конечно, и нас то возьмёт.
 Ведь в этой железке нас всех проморозит
 За год, а точнее – за зиму одну,
 Поэтому я пойду, посмотрю.
 – По дереву лазить, любим, ведь, мы, –
 Сказали индиго Оля и Юля, и с философом пошли.
 Добравшись за час до высшей точки,
 Найдя деревья повыше, полезли девчонки.
 – Смотрите внимательно, а да забыл, –
 Вот бинокль и он невредим,
 Нашёл я в одной, его, сумке в салоне,
 Ищите строения и зверей тоже.
 – Зверей? – Посмотрела Юляша, бинокль беря.
 – Конечно, зверей – кабанов иль зайцев,
 Ведь есть пистолет, – мы пойдём и убьём
 И наконец-то мяса пожрём.
 Залезли девчонки совсем высоко,
 А философ вблизи смотрел – где чего.
 Пытался увидеть какую-то дичь,
 А лучше, - зверья он хотел подстрелить.
 Оля смотрела и ничего не увидела она,
 А Юля в бинокль смотрела – искала,
 И по сто раз вокруг дерева она проглядала.
 Бинокль был сильный, ну то есть крутой –
 В него далеко было видно, как на ладони.
 Увидев оленей, запомнила место,
 Потом – кабанов и много других.
 Но пока они туда доберутся, –
 Звери давно убегут от них.
 Поближе в бинокль она всё осмотрела
 И набрела на клёвое дело –
 Увидела сразу постройки она
 И дальше смотрела, людей всё ждала.
 Но люди с построек не выходили
 И на снегу, даже не наследили.
 Поближе она зверей поискала, –
 И кабанов, аж, шесть увидела.
 Спускаясь, смотрела на кабанов,
 Чтоб не упустить из вида клыкастых врагов.
 Высокое дерево, метров аж двадцать,
 Шаталось во всю, было сложно держаться.

Северный ветер, мороз добавлял
И выживание к нулю опускал.
Оля увидела, – Юля спускалась,
И тоже вниз она запускалась.
Спустившись, Юляша, сразу сказала:
– Я много зверей вдалеке увидела,
Поближе есть тоже, вон там, в стороне,
Стадо кабанов, наедине.
Но главное там. – Она вперёд показала. –
Там не далеко есть два дома. – Юля сказала.
– Здорово, круто, – промолвил мужик. –
Запомнила ты – где дома?
– В первый миг.
– Значит – сейчас пойдём на охоту,
Ну, а затем – туда, где есть кто-то.
– Нет никого там, снег есть везде,
Ну, а следов нету ни где.
– Может быть, их ты не увидела?
– Нет, я смотрела и их не нашла.
Тут Оля спустилась, устало сказала:
– Я ничего не увидела.
– А я увидела и дом, и зверей.
Да, кстати, дальше, полно там зверей.
Втроём они тихо пошли к кабанам.
– Запах людской повеет вон там,
Запах они чуют издалека,
Близко, – пугать не пойдём мы туда.
Метров 500 до зверей оставалось,
Как на глаза они показались.
Философ в бинокль посмотрел
И сразу жрать он сильно захотел.
– Если я первый раз в них не попаду –
Они разбегутся, ты мне помоги.
Держи ты бинокль над мушкой моей,
Благодаря этому, я прицелюсь точнее. –
Сказал он Юляше и к дереву стал,
Прицелился метко – и выстрелил «Наган».
Стрелял он в большого, из всех, кабана,
Ветер гулял, но пуля вошла,
Задела она кабана за ребро
И он подскочил, но не ушёл далеко.
Другие в рассыпку все кинулись прочь,
А философ решил кабану сдохнуть помочь.
Он выстрелил в голову, кабан в миг упал,
А это означает, что охотник попал.
Конечно, и нож у философа был,
Его он в кабине сумел раздобыть.
Придя к добыче, – разделал её,
Распаров брюхо, порезав мясо,
Он только лишь мясо, без костей вырезал,

А всё остальное – оставил волкам.
 Всё мясо связал, поделив на три части,
 В одну часть, – побольше, в другие – от части.
 Верёвки он вытянул из парашютов,
 Когда готовился к охоте не глупо.
 Они потянули мясо туда,
 Где видела девочка дом свысока.
 Часа через два до дома дошли,
 След оставляя, от мяса, в крови.
 – Волки могут скоро за нами прийти,
 Нужно скорей мясо в дом занести.
 Патроны на них не охота сливать.
 Пойдём быстрее в дом, лишь потом – отдыхать.
 Они подошли к деревянному дому,
 А рядом второй стоял возле дома.
 Один был большой, другой – был поменьше,
 Стояли они над землёй, и не меньше.
 Держались они на деревянных столбах,
 Которых под полом было – до ста.
 – Прикольно построено.
 – А чего высоко? – Спросила Юля, посмотрев на него.
 – Наверное, чтоб волки людей не достали.
 – Так там ведь ступеньки. Что, волки не знали?
 – Нет, девочки, это так высоко,
 Чтобы вода не смыла его.
 Как лето настанет, тепло, когда станет,
 Польётся вода, так как снег весь растает. –
 Ответил философ и в дом поспешил,
 Зайдя на веранду, он двери открыл.
 А там было пусто, ну, кроме того,
 Что две плиты были, столы и ещё:
 Из дерева сделаны, стояли кровати,
 Пеньки вместо стульев и децел кастрюлей.
 А дом кроме дерева, обмазан был глиной,
 Из двух он был комнат, и к радости всех, –
 Заполненная комната полностью дровами,
 Наколотыми топором, – это успех.
 Плиту затопили при помощи пули,
 Достав порох с пули, огонь размахнули.
 Дрова подложили, – тепло ощутили.
 Кастрюли для мяса в снегу то помыли.
 Порезав мясо, положив всё в кастрюли,
 Сказал им философ, смотря на кастрюли:
 – Пошёл я к кабине за остальными,
 А вы за огнём следите, отныне,
 Чтоб он не погас и с плиты не свалился
 И чтобы пожар не разразился.
 Смотрите вдвоём сразу вы не усните,
 Закройте дверь и дрова подложите.
 Вы справитесь с этим?

– Конечно, иди,
 И наших подружек скорей приведи.
 Увидев топор в углу, он подумал,
 Забрал он его и пошёл, снова думал.
 А временем тем, Наташа с Татьяной
 Собирали все вещи удобно, упрямо,
 Все шторы, дорожку и всё остальное,
 Что можно содрать из нутрии для покоя.
 Надеялись, всё же, скорее – мечтали,
 Что их люди найдут то, что искали.
 Дойдя до кабины, мужик отдышался,
 Позвал он Татьяну, зайдя, показался.
 Он парашют за собою прикрыл,
 Присел на сиденье и воду попил.
 – Где Оля с Юляшей? – Спросила Людмила.
 – Они уже в доме, его нашли мы.
 Баклажки водой все наполняем,
 Берём, что поднимем, от сюда линияем.
 – А долго идти? – Спросила Наташа.
 – Не долго совсем, – пол часа где-то даже.
 Идите, смотрите вы по сторонам,
 А я расскажу всё, что было сейчас вам.
 Он рассказал им и дальше, идя,
 Знакомясь с ними, знакомя себя.
 Дошли они к дому, услышали лай, –
 Волков была тьма, – уже хоть тикай.
 – Учуяли мясо, дверь-то закрыта,
 Сейчас уж попляшут.
 Достал он «Наган» и пальнул пару раз.
 Один волк завыл, получая «экстаз».
 Другие – бежать на людей не решились,
 В лес не тикали, а насторожились.
 Философ палил, пока всех пострелял,
 К нему волки шли, когда он заряжал.
 Когда всего двое осталось волков, –
 Они уж тикали, но он их «довёл».
 Аж 22 волка он застрелил,
 При этом, патронов много спустил.
 – Я хищникам этим устрою прикол, –
 Завтра их головы посажу я на кол,
 Другим не повадно, чтоб было ходить
 И дом, и округу здесь «теребить».
 Зашли они в дом, уже вечерело,
 Тепло, сразу, дома, их всех согрело.
 Девчата-хозяйки мясо тушили,
 Волков не боялись, ведь двери закрыли.
 Философ, оглянул второй дом, что рядом,
 И он оказался не домом, а баней.
 И дров было тоже в предбаннике много,
 Пошёл он ручей искать вблизи дома,

Ведь речка текла, в метрах пяти от дома,
Наверняка, здесь родник есть для дома.
Увидел он, вдруг, труп человека,
Всего с бородой и одетого в шкуры.
Подумав о том, что его не сожрали
Волки голодные... Трупов не жрали?...
Может быть, болен был человек,
И волки учуяли, ну, и медведь.
Нашёл он родник, стекал тот в реку́,
Домой он пошёл и не пил ту воду́.
Уставшие люди поели, попили;
Легли дети спать, Наташа – с ними.

– Пойдём мы в ту комнату,
Там есть кровать, а здесь нам негде спать. –
Татьяне философ предложил
И в комнату с дровами, дверь открыл.
Татьяна ухмыльнулась, но всё же повернулась,
И в комнату пошла и на топчан легла.
Философ рядом лёг и начал диалог:

– Таня, нас судьба свела, всех в тайгу завела,
Будем здесь всегда, или не всегда,
Этого не знаем ни ты, ни я.
А раз вместе мы, – не нужны понты.
Будем жить семьёй с ними и с тобой.
Не знаю я, как ты, а мне ещё нужны, –
И ласки женских рук и всех её подруг.
Хочу тебя сейчас, потом и каждый час.
Без секса не могу, когда возможность есть.
Я долго не хочу к тебе подход искать,
Давай не будешь ты меня в сексе обделять.
Я понимаю, – мы не достаточно знакомы,
Но терпеть и ждать, для меня, – как кома...

Он тихо говорил, причины приводил,
Чтоб сразу женщина любовь ему дала.
Моральной то любви ему не нужно вовсе,
А только лишь – физической по больше и подольше.
Пока он говорил, на ушко ей шептал,
Медленно и нежно лицо он ей ласкал.
Сначала – лишь, рукой, потом – руками, ближе,
Татьяна всё молчала, потом сказала: «Ниже».
Её он в миг раздел и ею овладел.
Всю ночь её любил, нашёл в себе он сил,
Все позы применял, её удовлетворял.
Уж утро наставало, а его желание не покидало.
Она хотела спать, а он хотел ласкать.
Пришлось ей помогать, он не давал ей спать.
Её он целовал, её везде ласкал.
Когда прилив крови он ждал, – то язык его пылал,
А женщина текла, пылала вся она,
И ёрзала во всю, стонала: «Я хочу»...

Под утро, сон прошёл, – философ не сошёл,
На себя Татьяну положил, – быть сверху предложил.
Она, уж, завелась и вовсе разошлась, –
Его она губами, грудями и руками,
Ну и, конечно, тем, что у неё
Между ножек, вдвойне, ё-моё...
Они всю ночь кубились, не спали и не злились,
Лишь только иногда выходили для труда, –
Дровишек подложить, тепло чтоб сохранить.
Поспав лишь два часа, давно уже с утра,
Из дома он пошёл сажать врагов на кол:
Он головы волкам отрезал по шеям,
На колья нацепил, вокруг домов втулил.
Наташа уж давно топила баню,
Но веник старый выбросили они.
Из свежих веток из сосны
Стал веник новый, знай и ты.
Единственного мужика девчонки слушались всегда,
Причина у каждой была своя, а это знаю, даже я.
Живя всё лето там, в тайге
Втирал девчонкам он вполне,
Свои понятия и нравы,
О том, что – кто же, всё же, правый.
И чтобы он не говорил,
Ему перечить ни кто не был.
Он на охоту днём ходил и кабана всегда валил,
Девчонки лазали на ель и наблюдали, – где есть зверь.
Поймали как-то раз случайно
Оленя молодого, вытащив из ямы,
К себе оленя приручили, от дикости отучили.
А за оленем, – лось пошёл, – пристанище в семье нашёл.
Олень то, самкой оказался, и лось, попозже, – не стеснялся.
И сани сделали, кто спасся, из железяк, что оторвался.
Кабину всю распотрошили и всё, что нужно – замутили.
А волки больше никогда не приближались до дома,
Лишь иногда, вокруг ходили, кости своих, лишь, находили.
Философ, женской половиной –
Руководил он каждой милой.
Всё лето собирали брёвна сухие, палки,
Заготавливали на зиму и занимались рыбалкой.
Смотрели часто в высока –
Чи не летят там в облаках...
Кто ждал спасенья – в мир людей,
А кто других ждал новостей...
Философ не хотел домой, –
Он только здесь обрёл покой.
Всё, что хотел – имел он здесь,
Зачем ему другая лесть.
Смотрел он в небо для того,
Увидеть, – если, вдруг, оно

Опять кого-нибудь возьмёт
 И в небе самолёт взорвёт,
 Чтоб взять остатки лишь с него,
 Так как патроны уж давно
 Закончились, и у него
 Осталось только лишь одно:
 Копьём охотиться на рыбу
 И не упасть в реке под глыбу.
 Весной Татьяна умерла, –
 Её лихорадка забрала.
 Все поняли, что и старик
 Ушёл из жизни, тот, что сгнил.
 – Какой-то вирус по весне
 Преследует людей в тайге.
 Давайте спалим трупы мы
 И проморозим дом дня три.
 Беседы разные вели все по ночам,
 Ведь ночи длинные были там.
 Ночного света нет вообще,
 А, что же делать им еще.
 Мужик, вновь, секса захотел,
 Ведь каждый день её имел.
 Но, а теперь её уж нет,
 Ну, а без секса счастья нет.
 Наташе он всё объяснил,
 Мол, – секс, для него, важнее всех сил.
 – Ну, то есть голод это очень сильный,
 Сильней, чем целый день не есть,
 Терпеть его, для мужчины, не выносимо,
 Мне очень хочется на тебя залезть.
 – Привыкла слушать я тебя и мне не жалко,
 Возьми меня, как хочешь ты, чтоб стало жарко,
 Её он сексу обучил, всё рассказав,
 Как нравится ему получать секса весь состав.
 Она ему всегда давала любовь свою –
 Лишь в сексе ощущал он любовь всю.
 А младшие девчонки всё сразу понимали, –
 Индиго они были, – любящих оставляли,
 Когда они ласкаться начинали, хоть где;
 И в доме, и в лесу, и в бане, и в реке.
 Закалкой организма все стали заниматься –
 И каждый день для этого в реке стали купаться,
 И летом, и зимой им было прикольно,
 Болезней у них не было и им было так вольно.
 Прошло уже два года, настала вновь весна,
 И снова одна девушка – Наташа умерла,
 Закончилось всё мясо и рыба вяленая,
 А новая, ни как на пику не шла.
 И снова секса нет, достал этот облом,
 Философ собрал девчонок и рассказал всё вновь.

Затем спросил у девочек:
– Кто кровь уже видал?
Из своей промежности,
Тот по половым признакам, –
Взрослым уже стал.
То есть если цикл начался у вас –
Значит, уже сексом заниматься настал час.
– Я всё понимаю, – сказала Людмила. –
У меня уже три месяца созревания.
– Ещё кто-то есть, – философ спросил.
Ведь очень уж он давно уже не любил.
– У меня два дня кровь оттуда идёт.
И скоро закончится, и скоро пройдёт. –
Сказала Аня и всем показала,
Достав руку оттуда.
Другие сказали, что нет, пока,
Когда они созреют, – скоро, наверняка,
То скажут тогда, чтоб реализовать в сексе себя,
Ведь нужно заниматься, если пора пришла.
Философ к Людмиле при них подошёл,
Поцеловал и дальше пошёл:
Раздел, объяснил, другие смотрели,
Ведь дети-индиго знать всё хотели.
Он днём полюбил её, день весь любил,
И как что, где делать он ей говорил,
И каждую девушку он обучил.
А к лету, уж все взрослыми стали,
Так как созрели их все «влагалы».
Секса – любви в 5 раз больше стало,
Улыбка его всё ярче сияла,
Ведь верный приносчик добра – пролактин,
Всё чаще обеспечивал удовлетворения прилив.
И сразу за этим, примчалось везенье,
К всеобщему, неожиданно, удивлению:
Увидела Аня взрыв самолёта
И проследила движение полёта,
Точнее, – паденье, запомнила сразу,
И лося с оленихой запрягли мигом в сани.
Философ, вдвоём, с Аней поехал,
Но перед этим, предупредил без утехи:
– Мужей я других не потерплю,
Поэтому их к себе не возьму,
А если в покое они нас не оставят,
То я их убью, если сил моих хватит.
– Они все мертвы, взрыв то был не реальный. –
Сказала Катюша без эмоций, реально.
– А может быть, нет. – Сказала Людмила. –
У нас тоже взрыв был, но мы, всё же живы.
– А смысл то не в этом, что живы, иль нет.
Смысл в том, что я вас не поделю ни с кем, нет.

– А мы все согласны, тебя понимаем,
И просто во всё тебе доверяем.

Мужлан стал доволен, внутри своей мысли,
Ведь такие мечты могли не выйти.
Но всё же мечты эти реализовались –
И жёны его на все сто понимали,
Ведь были они люди – индиго,
И этим они выживали в тайге.

Вот в саях из брёвен, внизу – листы железа,
Поехали двое под снежный пад и скрежет.
Примчали их лось и олениха,
Они уж давно любилися лихо.
Пол дня они мчались, и звери устали,
И всё ж, наконец, они место настали.
Увидев обломки и то, что горело,
Внутри уцелеть ничего не сумело,
Они повернули назад и помчали,
По дороге кабанов они повстречали.
Вот жалко, – оружия нет, без него
Им дичь не доступна, и это давно.
Домчались домой, их волки не сожрали,
В пути, далеко, волков вой все слышали.

– Мы думали, – волки напали на вас. –
Сказала Юляша, обрадовавшись сейчас.

– То волки от взрыва, скорей всего, были,
Но нас на пути не остановили.

Такая надежда за целых два года,
Но, всё же – облом, это было знакомо.
За целое лето они успевали дров наготовить,
Чтоб зиму всё время, уж их не готовить.
Морозы зимою огромные были
И этих морозов они «обходили».
Зимою и летом, и ночью, и днём
Любили друг друга они вшестером.
Философ девчонок всему научил,
Что сам он мог знать, – все секреты раскрыл:
Про девичий секс – лесбийскую ласку,
Про то, что в том мире, в общественной «маске»,
Не нравится всё ему, дот замазки,
Что – цели другие у всех там подряд
И все ходят злые и денег хотят,
О том, что проблемы – больше наших, намного
И, что здесь, ведь, лучше, чем в обществе строгом.
Морали и этики, знаний и смысла
Девушки брали с философа мысли,
Ведь он мысли все рассказывал им,
Они понимали легко и без сил.
Другого наставника не было, просто,
И лес, и луга, для них стали – остров.
Всё в «цвете» своём он преподносил, –

Такое же отношение ко всему, он девчонкам привил.
Его всем хватало в удовлетворенье,
Их удовлетворять ему не было ленью.
Во время совместной любви все «взрывались»
И очереди своей не дожидались, –
Девчонки ласкали друг дружку руками,
Губами везде, и языками.
Любили друг дружку и уважали,
Во всём и всегда они помогали.
Когда от любви муж хотел отдохнуть, –
Хоть часик поспать, т. е. сопнуть, –
Девчонки насильно его не терзали,
Друг дружку любили и ярко пылали.
И страсть эффективная здесь проявлялась,
Наверное, свобода природы сказалась.
И вот одной ночью на родном топчане,
Желая застыть в истоме своей,
Оля, в окошко в небо глядя, –
Увидела ярких два огонька.
Дождавшись исхода горячей любви,
Она всем сказала:

– В окошко смотри.

Увидели все, как летел самолёт,
Как будто по морю там плыл теплоход.
Все вместе они пожелали одно,
Чтоб он приземлился поближе, и всё.
Но он приземляться не собирался,
А только летел высоко, приближался.
Но все понимали, – пролетит самолёт,
И снова надежда – от них уплывёт.
Надежда, – не чтоб их забрали туда,
Где, по мнению философа, – только беда,
А надежда на то, чтоб хоть чем поживиться,
Предметы какие-то приобрести чтоб.
Вот он пролетал, почти все отвернулись,
А самолёт зажужжал – и все повернулись,
И с неба, жужжа, быстро стал опускаться,
В окне уж невидно – где он стал спускаться.
Все быстро оделись и выбежав с дома,
Увидели близко машину знакомую –
Да, то был самолёт, он во всю уж спускался.

– Хоть в дом бы он, вдруг, наш не врубался. –

Сказал в миг философ, слегка испугался.

Самолёт пролетел над соснами низко,
И прям на лугу сел сразу он быстро.

– Оля, на дерево лезь, побыстрей,
И тщательно ты рассмотри всё сумей,
Бинокль возьми, хоть и темно,
Но всё же взгляни, вдруг увидишь чего.
Юля и Аня, сани впрягай,

Поедем, рискнём, тут близко, давай.
 Катя, давай, – теплой одевайся, –
 Поедем с тобой, не сомневайся.
 Умчались они, но им Оля сказала,
 Что он прям у леса, на лугу, показала,
 Умчались конкретно, животные знали, –
 Как нужно бежать, когда их подгоняли.
 Добрались до туда и взрыва всё ждали,
 А взрыва то не было, – они то поняли,
 Что самолёт успел то причалить.
 Но всё ж самолёт не посадили,
 Так как под ним деревья валились,
 Он сам долетел и сел на деревья,
 Его не повернули на ровность земелья.
 Философ с одною своею женою
 Подошёл осторожно, я это не скрою.
 Закрыты все двери, с окна валит дым,
 – Он скоро взорвётся, быть может, а с ним...
 Про худшее думать совсем не хотелось,
 А в воздухе дым шёл, и что-то там тлелось.
 Самолёт к земле весь уж пристал,
 Под собой деревья все поломал.
 Философ на дерево тихо залез,
 К окну приблизился, в него он пролез.
 А Катя стояла, внимательно слушав, –
 Быть может, уж кто-то вылез на «сушу»
 И где-то следит за ними в кустах,
 Но ею на всю не овладел страх.
 Философ залез, об человека споткнувшись,
 Было темно и он всё ж, рискнул, же...
 – Есть кто живой? Давай говори. –
 Философ прокричал раза три.
 В ответ – тишина. Катя голос слыхала,
 И то, что он его, она твёрдо знала.
 Философ до двери дошёл задыхаясь,
 Он их смыкнул, но они не открывались.
 Подумал, – в кабине не знаю где кнопка,
 Чтоб двери открыть, а внутри здесь, как топка.
 Решил он с окошка всех выкинуть вниз,
 Катерине сказал, чтоб-то не был сюрприз.
 Окошко не очень широкое было,
 Он сам чуть не застрял «и не было мыло».
 Нашупал кого-то, грудак распахнул, –
 Послушал сердечко, – ни чего ни шепнул,
 Сердечко не билось, худой вроде был.
 Просунул он тело в окошко и сдул,
 Другое нашупал – и вновь нет дыханий,
 «Похоже, конкурентов не будет для бани,
 Для нас, для меня, в общем, – так нам и надо», –
 Подумал об этом и тело донёс,

И выпхнул с окошка, уже дул мороз.
Но ему, мужику, было – аж жарко,
Пока он их всех валил в снег из «парка».
– Такие вот ныне в тайге развлеченья:
В дыму шибуршаться в машине отдельной,
Средь мёртвых людей оружия искать,
А их тут не много, я смог посчитать.
– И сколько людей-то? – Спросила Катюха.
– В салоне здесь семеро было, вот пруха.
Теперь больше нет, пойду я в кабину. –
И он поспешил открывать кабину.
Дверь всё же не сразу, но поддалась,
Там лампы мигали был виден пейзаж:
Два трупа пилота, разбившие лица,
Панель вся в крови, пора торопиться.
Его посмотрел он, пощупал:
– Угу.
Нащупал он женскую грудь и залез,
Её обнажил, и послушать полез.
Слегка что-то слышал. Может жива,
Она стюардесса, или ею была.
Закрыл он ей грудь, под юбку полез,
Её он поднял «до самых небес».
Нащупал вагину, её стал любить,
Надеясь быстрее себя победить.
Ведь, сердце стучало, значит – жива,
Едва вроде дышала, была горяча.
Надеялся он, что она оживёт,
Ведь он уже, прям в ней, её любит и ждёт,
Пока она воздухом ровно задышит,
Расскажет, что знает и скажет, что слышит.
В сознание женщина не приходила,
А он её уж оплодотворил, классно было,
Давно муж-философ спящих любил,
Когда нет движений от тех, кто сейчас с ним.
Её он тогда развернул в самолёте
И вставил туда ей, где слабый проходик.
Её он «влюблял», но туго там было,
Но он всё же весь поместился красиво.
Поглубже залазил – его он на всю
И тупость уже прошла на ветру,
Ему помогал он – что влаги давал,
Оттуда, где мокро он влагу ту брал.
И вот, когда радость уже приближалась, –
Женщина чаще уже задышала.
Видимо что-то она ощутила
И это её к жизни вновь пробудило.
Услышав, что женщина вот-вот очнётся,
И может от шока, – отпрянет, сорвётся, –
Философ всей силой мысли своей

Задвигался очень, при очень быстрой.
 Он сразу «взорвался» прям в это же место:
 Излив в неё всё, что было на место,
 Он резко трусишки ей натянул,
 Одёрнув юбчонку, штаны застегнул.
 – Откуда Вы, женщина, как Вас зовут
 И что с самолётом случилось тут?
 На его языке она отвечала
 И что сейчас произошло, плохо понимала:
 – Анна, с Аляски летел самолёт
 И с ним не справился наш первый пилот.
 Пока я к кабине поспешно дошла, –
 Уже самолёт летел, сам руля;
 Пилоты на панели в крови лежали
 И я, в миг, упала, мои мысли прервались.
 А Вы кто такой, Вы с нами летели?
 К тому же, куда мы залетели?
 И что сейчас было, со мной что творили?
 Сума я сошла, иль меня Вы «любили»?
 – Это тайга – леса, здесь, России,
 И городов нет здесь в помине.
 Мы тоже когда-то с неба свалились,
 В живых мы остались и здесь очутились.
 Три года назад мы летели, – взорвались, –
 И на парашютах сюда опускались,
 А здесь мы живём по законам своим,
 Другие, чужие, и Ваши, и все остальные
 Законы и принципы все
 Мы не признаём. – Мы наедине
 Остались с природой и сами себе,
 Теперь подчиняемся мы ей вполне.
 А вас я здесь в чувства привёл, лишь как смог,
 Любя и беря, по-другому не смог.
 Слегка Вы дышали, я Вас разбудил, –
 И Вы оклемались, а Вы, как кинжал, –
 Меня обвиняете в том, что Вас спас,
 Иль просто не нравится Вам мой анфас.
 – Лица я не вижу, но это абсурд,
 Что спасли Вы меня, насилуя тут.
 – Насилие, это – когда против воли,
 А Вы тут лежали, почти были в коме.
 И если бы я сюда не залез –
 В итоге Вам дым бы в дыхалку залез.
 А сколько всего на борту пассажиров
 И что там, в отсеках других, может быть?
 – Вы просто... Вы просто... –
 Она уж не злилась,
 А с ситуацией, в мыслях возилась.
 – Так всё же, что есть в самолёте, – скажите.
 И вскоре быстрее с самолёта сходите,

Дымит он, быть может, – скоро взорвётся,
 Откройте все двери. Где кнопка? Что, жжётся?
 – Что жжётся – дымит, – я это не знаю,
 А двери, вот, сейчас, уже открываю.
 Всего человек на борту было десять,
 Ещё много груза, что много и весит.
 – Какой тут есть груз и где он? Пойдёмте, –
 Покажите мне, побыстрее пойдёмте.
 Она поспешила, философ за ней
 Спешил очень быстро, в дыму поскорей.
 – Людей нужно вывести, – может живы.
 – Я их всех проверил, – все, в общем, – мертвы.
 В окно я их выпихнул, чтоб там остыли.
 – А, что их Вы всё же, не оживили?
 – Я и не пытался, они не дышали,
 А Вы какие-то звуки слегка издавали.
 – Ну, что там, философ? – Вскричала Катюша,
 Услышав общение, сняв одежду всю с «тушей».
 – Кто это? Ведь Вы же сказали, что люди...
 – Это мои, а не Ваши то, люди.
 – В порядке всё, Катя. Одна есть живая.
 Сейчас она мне что-то покажет.
 – Я слышала – что-то внизу скрежетало.
 – То двери открылись. – Анна сказала.
 – Открылись там двери. – Сказал муж Катюше,
 И сам он всё ждал, что увидит он – кушать, -
 Прикольное что-то, что давно уж не ел,
 Но всё же в тот миг промолчать он сумел.
 Спустились пониже по лестнице люди,
 Нажатием кнопки, открылись люки.
 – Оружие здесь, в основном – автоматы,
 Винтовки, патроны к ним, ну, – и гранаты.
 В улыбке огромной философ «растаял»,
 Но Анна не видела, как он весь «таял».
 – Фонарик, иль что-то найдите быстрее,
 Ведь, боеприпасы взорваться сумеют.
 Пошла Анна вправо, нажала там что-то
 И свет засиял и внутри и за бортом.
 – Я еле нашла запасной генератор
 И он не сломался, как наш авиатор...
 Философ увидел много стеллажей,
 На них много ящиков и патронташей.
 Один стеллаж – были «Узи» – автомат
 И много коробок, в них патроны лежат;
 На другом стеллаже – патроны, гранаты,
 Ещё было много, греби хоть лопатой.
 Открыл он один ящик, – достал
 Четыре «Узи» и к окну побежал.
 – Катюха! Гляди куда упадут
 И в сани ложи, много их тут.

В окно он коробки с патронами все
Быстрее покидал и спросил:
– Что есть где?
– Какие из них, – я не разбираюсь.
– Я не про оружие, я сам разбираюсь.
Ещё что где есть?
– Больше груза другого нету совсем,
Здесь одного очень много.
– А пища здесь есть, иль какие-то миски?
– Всё там, наверху, но не много уж слишком.
– Ладно, не будем ещё рисковать,
Потом заберём, если будет что брать.
Он взял «Smit end Vesson», патроны к ним взял,
Пошёл вниз к дверям, а точнее – побежал.
А та стюардесса за ним побежала,
До сих пор до конца себя не понимала,
Всё так быстро прошло, уж другой эпизод,
Будто кто-то поменял её жизнь, где «завод».
Он вышел с машины, внизу было место, –
Они, вместе с Аней, смогли там пролезть.
Катюша увидела их, отъезжать вмиг собралась.
Одежду сложила давно, и их ждала.
И вот, подбегая к саням и к Катюше,
Анна увидела голые уши.
– Им больше одежда уже не нужна. –
Сказал вмиг философ, когда понял, что она,
Стюардесса встревожилась вновь, а потом
Сказала, оставшись стоять, прямо, столбом:
– Людей этих нужно похоронить.
– Кому это нужно? – Он спросил в сани прыг.
– Ну, как? Это, ведь...
– Ну, всё, хватит больше по своему «петь». –
Вскричал тут философ, прикинувшись злым. –
Пойми, – ты не там и не с ними...,
А мы здесь по-своему сами живём,
И я повторяю, – другую мораль мы не признаём.
Короче, два выбора есть у тебя:
Иль с нами ты едешь, иль тут ты одна.
Иль сейчас ты решишь, иль потом, – как хочешь,
Но мы сейчас умчим, а ты может «взлетишь», –
Нагрелся уже самолёт и дымит,
Оружия в нём полно, – запалит.
– Вы, что – сумасшедшие, я не пойму,
Людей этих я похороню.
– Всё, ладно, давай,
Мы утром приедем, ты не унывай.
Но только учти, раз ты истиришься,
Скажу тебе прямо условия все.
И если ты с нами жить согласишься,
То мне подчиняться ты будешь везде.

А если не будешь, ну, – не согласишься,
Хоть что-либо выполнить, чтоб я ни сказал,
То значит, ты с нами жить и не будешь,
Другие законы я не издавал.
Тебе всё понятно? Подумай. И знай:
Захочешь быть с нами – инициативу ты проявляй,
Сама всё расскажешь – согласна, иль нет
Меня и нас, всех, остальных слушаться в ответ.

 Ответа не стал ждать философ, сказал:

 – Катя, помчали, – он ей закричал.

 Катя животным команду дала

И те, понесли сани с ними туда,

Где ждали давно их жёны другие

И на стороже были доныне.

Приехав, домой, они всё рассказали,

Пока жёны их, «товар» разгружали

 – Если она, всё ж, на всё согласится, –

То будет шестой женой, не приснится.

 Все молча сидели.

 – Ну, может, кто скажет?

 – Пусть будет шестой.

 – Она будет нашей. –

Людмилу Юляша тут поддержала

И все согласились, всё поняли сразу.

 – Вот это мне нравится, вы всё понимаете

И ничего от друг дружке не скрываете,

К тому же, – оружие у нас появилось,

Пойдём на охоту уж скоро, на милость.

На утро, чуть позже, выпавшись все

Купались в снегу и не шли все к реке,

Она там быстро слегка подмерзала,

Поэтому места было там мало.

Мороз сильный был, но течение тоже,

Поэтому полностью замёрзнуть не может.

Ну, а закалялись 5 лишь минут,

Друг, дружку тря снегом там, там и тут.

Затем вчетвером на санях помчались

И к самолёту близко примчались.

Он не взорвался, не изменился,

Чуть охладел и дым весь «сломился» –

Мороз его за ночь весь изменил –

В «пар» своей силой его превратил.

Увидев ту Анну одну, стюардессу,

Которая с последних сил, копала здесь, в лесе,

 – Волки к тебе в гости не приходили, –

Гости – «хозяева» с шуткой спросили.

 – Были и волки, я их застрелила,

Они чуть не съели меня, пока я вспалила.

Еле стрелять я научилась,

Без сил я уже здесь очутилась.

Мёрзлая земля не поддаётся,
 Я не могу больше здесь. Где же солнце?
 – Солнце вон там, – сказала ей Оля, –
 Только не греет оно, вот так воля.
 Гости – «хозяева» этого леса
 Принялись грузить всё оружие тесно.
 Много они его нагрузили,
 Осталось ещё больше в машине.
 Юля на санях домой повезла,
 Лось с оленихой шёл, ну – и шла,
 Много то груза было, им тяжело,
 Поэтому бежать было тяжело.
 Пока Юля домой груз отвозила,
 Посмотрев перед этим, как стрелять из Узила,
 Философ показывал всем, кто здесь были,
 Кроме ночной прищелицы из другого мира,
 Анюта, Катюша, философ и Люда
 Осматривали внутри и искали посуду.
 Ну, в общем, – что может им пригодиться,
 На кучу свалили возле «корытца».
 Нашёл муж станок для бритья и побрился,
 Пока в «медведя» не превратился.
 Щепоточку соли нашла одна дева,
 Ещё – всякой мелочи много одела.
 А радости много от этого было –
 И важность мелочи они ощутили,
 Точнее поняли, что мелочь добавив
 В великое что-то, можно много исправить...
 – Наверное, всё же, – сказал громко философ, –
 Остальное оружие будет прям здесь,
 На будущее, на всякий случай,
 Вдруг что-то случится с домом, иль здесь.
 В двух местах пусть хранится,
 Закроем все двери, чтоб не зашли сюда прямо звери.
 – Давайте, грузите, – приехала Юля,
 Все стали грузить мелачишко, и Юля.
 На Анну чужую они не смотрели,
 Ведь им всё равно, они не хотели.
 Садясь все на сани, философ сказал:
 – Когда, вдруг, захочешь, – то знак нам подай.
 А Анна уставшая, выбившись с сил, сказала:
 – Хочу, не могу, уже нету сил.
 – Хочу, что – хочу?
 – Ах, да? Моё слово...
 – Ну, да, я слушаю внимательно, чего скажешь снова?
 – Согласна по вашим законам я жить,
 Во всём подчиняться и своё не грузить.
 Ведь вы правду жизни помогли мне узреть
 И этим смогли меня победить.
 – Вот это нормально, пока я доволен,

Но всё же тобой я обеспокоен,
Ведь только ты станешь внедряться ко мне,
Как, вдруг «защебечешь» по старой волне.
Она еле-еле к саням приползла,
Ничего не сказала, на них заползла.
Тревога в сознании его поселилась,
Но он промолчал, сердце билось.
Её привезли, отпарили в бане
И спать уложили в тепло, а не в сани.
Юляша полезла на дерево чтоб
Добычу «спалить» в бинокль, и вот
Увидела много чего в сторонах,
Запомнив вблизи, рассказала, в бегах.
Пешком на охоту пошли втроём они:
Юляша, Анюта, своя, охотник с «Узи».
– Там – зайцы, там – волки, а там – кабаны,
А рядом медведя я видела три.
– Пошли к кабанам, а там и медведя,
Быть может, возьмём мы его за вередя.
У каждого был теперь автомат,
От этого каждый всегда уж был рад.
Они подстрелили тогда кабана,
Медведя они зацепили слегка,
Потом уж добили его с далека,
А рядом, внизу, текла вся река.
Пока Юля мясо срезала с «клыка»,
Философ пошёл за медведем туда,
Анюта пошла за верным лосём,
Всего лишь за ним, ведь он стал отцом.
Его олениха вчера родила,
Об этом узнали, лишь только, сутра.
А вечером мяса было полно,
Давно уж не ели люди его.
А дальше «по маслу» всё вновь потекло
И с новой женой шла любовь на все сто.
Ей девушки все нюансы сказали
И о любви не умолчали.
Она всё поняла, но всё удивлялась,
И всё же перечить она не пыталась;
Любила всех жён и мужа, конечно,
И вот один год показался ей – вечность.
На нычку, в мыслях домой-то хотела,
Надежда у ней потихонечку тлела,
Надежда её до конца догорала,
Но не догорела, не много осталось.
Летом построили животным сарай,
Ведь их стало больше, – сена давай.
Рвали траву им на зиму руками,
Летом пасли, охраняя сами.
Вот сладость у них уже появилась,

И ягоды рвали, и олениха доилась.
Услали полы, они шкурами, все
И даже прибили их на стене.
Дрова собирали, на охоту ходили,
Других самолётов в небе «ловили».
И даже весной той одной
Не умер ни кто – не был больной.
А следующая весна когда наступила –
Так сразу троих она зацепила –
Болезнь их свалила, они задрожали, –
И Анна, вдруг, вспомнила о мед «канжали».
– «Канжал» это новый такой аппарат,
Он нужен для того – чем больной, чтоб узнать.
Кровь берёшь, – он её проверяет
И кто, чем болеет, определяет.
Пошли к самолёту, – нашли всё, что нужно,
Там было лекарство в ампулах, дружно.
Ну в общем «спалили» болезнь – это вирус,
Какой-то неизвестный «канжалу» был вирус,
Но всё же примерный препарат, – чтоб лечить
«Канжал» всё же смог определить. –
Дозняк прокололи – жён оздоровили
И к смерти опять никого не пустили.
Всем радостно было и весело тоже,
Они удовлетворения прилив ещё захотели, всё же.
И за пролактином погнались вовсю,
Любя на постели, из шкур, всю семью.
И вновь, как всегда, друг дружку лизали,
При этом, лизать не уставали.
А мужа «инструмент» не успевал отдыхать,
Потому «она» не успевала омолаживаться.
Философ попозже детей захотел
И стал соблюдать в оргазмах предел.
«Она» почти сразу омолодилась
И через год, их уже больше свилось.
Жена, почти каждая родила
Первенцев – дочек, – вот так вот смогла.
А Анна, что старше, – родить не смогла, –
Пока, что была не беременная.
Моральная рамка её не пускала
Смериться с таким вот, жизни, началом.
Она потихоньку, совсем незаметно,
Втирала жёнам о том, как там тщетно,
О мире, где много людей проживает
Рассказывала – все вспоминают.
Она «рисовала картины» красиво
И всех, соблазняя идти, где «картины».
И вот по весне, когда здесь – уж 7 лет,
С момента, когда кругом стал только снег,
И всем молодым жёнам семьи

По 14-ть лет стало им,
 2019-ый год уже был,
 Анне уж стало – 31-н.
 Анна собралась со всей силой воли
 И всем рассказала о решении воли:
 – Я твёрдо решила, меня извините
 И в дальний путь меня отпустите,
 Домой в мир людей я очень хочу,
 Хоть вас, всё равно, любить я хочу.
 А лучше – пойдёте со мной и дойдём.
 Я вам обещаю – мы счастья найдём.
 – Я здесь счастлив очень – удовлетворён,
 Душою и телом я здесь наслаждён.
 А ты бери и иди, насильно не будешь счастлива ты,
 А также, любая, кто хочет идти –
 Берите, что нужно – и будьте в пути.
 Подумав, девчонки не все захотели
 И «песню» уж Анину «хором» «запели»:
 – Мне интересно, я с нею пойду,
 Хоть приключений себе поищу.
 И Оля Юлю тут, вновь, поддержала:
 – Я чувствую мне чего-то тут мало.
 – А я здесь останусь, – сказала Анюта, –
 Я мужа люблю, и любить буду тута.
 – Я, всё же, пойду, – промолвила Люда, –
 Быть может, найду чего-нибудь, будет.
 И Катя тоже уйти захотела,
 Но Анне теперь свою «песню» «пропела»:
 – Ты мне обещаешь, что там будет лучше?
 Что ты отвечаешь за всё, как здесь муж наш?
 – Да, я отвечаю, сама я добьюся
 И с вами, в том обществе я поселюся.
 Они все собрались, со всеми простились,
 Детей взять с собою не умудрились.
 Философ на санях их отвёз далеко,
 Аж, до далёкой высокой горы.
 Ночь с ним он там ночевал,
 Наутро на санях обратно помчал.
 С биноклем он ехал, – высматривал дичь
 И подстрелил он пару птиц,
 Затем – кабана, чуть позже – второго,
 Запасся он мясом, прям, как в берлогу.
 Когда он прощался с теми, кто уходили,
 Сказал им, чтоб соли они прихватили,
 Когда по одной будут они возвращаться.
 Они посмеялись и в путь поспешили.
 А позже он сам начал, всё ж, удивляться,
 Как смог предсказать, откуда им взяться.
 Вот, через неделю, уж издалека,
 Вдали показалась Людмила одна.

Её он в бинокль свысока увидал,
Когда на дерево он залезал.
Ну, а за неделю гормоны остыли,
Хоть полностью Анечку удовлетворили.
И с новою страстью стал добывать
В любви своей, с жёнами, счастья опять.
Людмила вернулась, когда поняла, –
Что то – Анин мир, с которой пошла,
К тому же, в пути, ей всего не хватало:
Общенья, любви, жратвы, для начала.
Затем, когда девушки, уж добрались,
По дороге прямой, что ведёт их судьба,
К морали огромного общества, всё же;
И что только Анна, им в этом поможет; –
Оля усилила волю индиго,
Сама пообщавшись с собой о пути.
И ей интуиция, вмиг, подсказала,
Что, мол, – возвращайся, домой ты иди.
Юля, Катюша и Анна, втроём
Добрались в отель в городишке одном.
У них были деньги и драгоценности,
Которые дал им с общага их муж,
Которые они из двух самолётов
Забрали себе для таких вот услуг.
На них там наехали не добрые дяди
И Юля свалила от них назад, сзади.
Когда, через много недель, уж в Крыму –
Они уже были у Анны на дому,
Спокойно так жить не получилось,
Пришлось жить, как считают люди другие.
Катюша терпела, затем – отказалась
Работать и слушать нелепости.
Она собралась – и уматала,
На тот же рейс села, что когда-то летала.
И парашют с собой прикупила,
А в рюкзак соли она положила,
Узнала, где ручка, что дверь открывает
И как резко выпрыгнуть, когда пожелает.
А Анна осталась, но ей всё неймётся...
Чего у неё здесь теперь остаётся:
Ни близких, ни счастья, ни удовлетворенья,
Лишь, скука лихая, и вечная лень,... Да...
К тому же, походу, как оказалось,
От мужа она залетела, создалась,
Но только вот, некому ей сознаваться, –
Создалась себе, что сильно хочет возвращаться.
Она ничего о них, ведь, не знала,
Но, всё ж, через месяц, мечта вновь сияла.
Опять у неё цель появилась
И ради неё, она в путь пустилась.

Людмилу встречал он, когда та возвращалась,
А после отдыха в бане – они извращались...
Философ услышал взрыв, посмотрев,
Увидел, что в небе самолёт вниз летел.
Взяв быстро бинокль и смотря в небеса,
Он место запомнил, сверкали глаза.
Но, а самолёт, раз взорвавшись, упал,
И там, на просторе, он догорал.
Мужчина, со своею одною женою,
Поехал на саних со скоростью большою,
Он гнал тех, кто сани быстро несли,
Чтобы успеть, хоть, на что-то, внутри.
За пол дня, добравшись, они увидели,
Что самолёт не горел, снегом заметало.
Пробравшись туда, – поняли: самолёт,
Лишь грузовой. Но, что он везёт?
Пилоты на месте, и мёртвые, – точно,
А груз... наконец-то, он был очень плотно
Вокруг запакован и взрыв не помог,
Философ достал свой наточенный нож.
Разрезав обёртку «северяне» «спалили»,
Что груз – одни цитрусовые были:
Бананы, коксы, полно апельсинов,
А рядом полно любых мандаринов.
Упаковку они назад завязали,
До этого много съели – сожрали;
Гранаты там были съедобные, ещё,
И всякая мелочь, несъедобная, ещё.
Приделали – сделали сани-прицеп,
Оторвав пластины металла, и положив на снег.
Ну, в общем, – за раз они всё загрузили;
С рассветом, наутро. Домой поспешили.
А там уже Оля, еле добралась,
Вернулась домой:
– Я облажалась.
Затем и Юляша пришла вся худая,
Истощённая, на себя злая.
Они эти месяцы ели плоды,
Что с самолёта доставить смогли.
Оленей, лосей, их потомство кормили
И о своём они не забыли.
А дочки росли и с семьёй закалялись –
По снегу в воде, – и здоровьем сияли,
А мамы их три, забеременели, вновь,
Им в этом помогла телесная любовь.
Подмазали стены у бани, у дома,
Глину нашли, она стала знакомой,
Духовно, телесно обогащались
И пролактину они радовались.
Ни горя, ни бед не знали совсем,

Не как те, что там, где не мил белый свет.
И вот прям оттуда опять взрыв: «Где он?»
Жители севера головы задрали:
Человека одного на парашюте увидали.
А то – Катерина, они поняли,
Когда к ней подъехали и подошли.
Катюша, молча, соль показала
И радостно всех, с любовью, обняла.
До дому она еле-еле терпела,
Когда зашла в дом, то у неё на теле
Сразу одежды никакой не осталось, –
Дарить она, сразу, накинулась радость,
Всем жёнам своим эту радость дарила,
Что физическим удовольствием внутри сама парила,
И мужу дарила, и он ей дарил,
Так выделялся гормон пролактин.
Энергии было у ней очень много,
От счастья такого, для неё, родного,
Поэтому она всю неделю
Не вылезала сама из постели, –
По очереди к не приходили партнёры:
То – муж, то – жена, и жена, и жена,...
Охотились все, все дрова собирали
И что им нужно делать – не уставали,
Ведь, эта работа давно уже
Приносило им удовлетворение.
Однажды вдали за лугами
Показалась машина, как крутые сани.
Машина та быстро всё приближалась,
Хоть мороз сильный был, и под ветром держалась.
Увидев, что сани несутся сюда,
«Аборигены» смотрели туда,
Пока они близко не подкатили,
И водилу своего «не раскрыли».
Как только «раскрыли» – увидели люди,
Что это их Анна вернулась «на блюде».
Приколов всяких она привезла, сказала, что всё продала,
И хочет быть с ними – с её семьёй,
К тому же, хочет сюда вот – домой.
Все в дом забежали и Анну раздели
И пузо её вмиг оглядели.
– Восьмой это месяц, ребёнок – лишь нас.
А дети смотрели на этот экстаз.
Экстазы затем рекою полились,
Всю правду лишь только дети видали,
Родители от них ничего не скрывали,
А только им всё они объясняли,
Хоть те всё прекрасно и так понимали.
Индиго-индиго рождались теперь,
И везде будет так потом, ты поверь.

Но главное то, что люди не ныли,
А только счастливо все вместе жили.
Любовью друг дружку они насыщали
И с пролактином удовлетворяли.

Глава II «Борьба за удовлетворения».

Шли ночи и дни, месяца и года,
Уже родились у них сыновья.
Они дружно жили, друг дружку любили, –
Почти каждый год конкретно плодились.
На аэросанях и на самодельных,
К авариям авио приезжали всецельно, –
Чтоб что уцелело, забрать для себя
И чтобы проверить – кто мёртв, кто жива.
Аварии, правда, в доступных местах
Случались не часто: за пять лет, – лишь раз.
Бывало, что кто-то лесами здесь шёл,
Иль ехал на чём-то и ночью и днём.
Они проезжали и проходили,
Их дом не видали и не замечали.

– А если заметят, – размышлял вслух философ, –
И нас беспокоить они поднаметят,
То мы их застрелим, чтоб нам не мешали,
И наш, чтоб покой не нарушали,
Чтоб обществу они не рассказали,
И этим, опасности, чтоб не подвергали.

Прошло много лет, их настрой не менялся,
И каждый из них, жизнью, лишь наслаждался,
Удовлетворялся и счастья имел,
И жизнью такою жить каждый хотел,
Где есть пониманье, удовлетворенье,
И где все желанья единого мненья.
Ни кто здесь не спорил и не хотел,
Ведь все наслаждались, это был их удел.
С таким же настроем, с такой же моралью,
Без всяких волнений, без всяких лишений,
Воспитывали взрослые своих дочерей,
А также конечно, и всех сыновей.
Учили они их всему, чему знали,
А те моментально всё понимали,
Ведь были индиго они ведь вдвойне
И этим все были довольны вполне.
Дети уже подросли хорошо
И пол их созрел конкретно давно.

– Но кровосмешений вы не творите
И это уж важно конкретно, учтите. –
Отец им сказал, потом всё объяснил,
А сыновья сильно уж были без «сил»...
У них уже сил терпеть не хватало,
А про онанизм мамы им не сказали.

По очереди они на дереве были,
 Дежурили чётко и вовсе не ныли.
 С дерева они самолёт выглядали,
 С надеждой на то, что там самки летали,
 На то, чтоб они катастрофу стерпели
 И выжить, для них в катастрофе сумели.
 Во всех предыдущих не выжил никто,
 А они всё выросли – и крышу рвало.
 Они расспросили отца, – что им делать,
 Как мысли свои не беспределить.
 – Давайте дождёмся одного самолёта,
 Потом мы подумаем, – можно сделать чего-то.
 Терпение вы пока закаляйте,
 Морально себя в уме повышайте.
 А чтоб сильно вас не рвало,
 Побольше работайте иль стройте чего.
 А, точно, давайте вам план начерчу,
 Чтоб дом вы построили в этом лесу.
 Ведь нас уже много сколько уже
 Можно тесниться в одном домике.
 Их было уж 30-ть, детей взрослых уж,
 По 5-ть от жены, от каждой то уж.
 Мальчишек – с десятков и двадцать девчат,
 Старшей, уж было, годов двадцать пять.
 Мальчишки-парнишки и раньше во всю
 Работали сильно, и я здесь не вру,
 Поэтому у них силы все уходили
 И к мыслям о сексе, их оградили.
 Дом, по проекту, был очень большой:
 Весь трёхэтажный и «деловой»,
 Так как там комнат тридцать, аж, было,
 Все маленькие, кроме двух, – нужно было.
 Печь по середине в доме стояла,
 На первом этаже и вверх поднималась,
 На все этажи тепло чтобы было
 В комнатах всех от одной лишь печи.
 За лето построили дом, наконец,
 К зиме уже перешли «во дворец».
 У них инструменты все были – что надо,
 Они их поделали из кусков то, металла.
 Глиной, конечно, дом залепили.
 И в новом дворце без толкучки зажили.
 А девочки тоже работали часто, –
 Рвали траву для животных домашних,
 Ведь их уже много давно, очень было,
 И сарай для них построили живо
 Лет десять назад, им тепло зимой было.
 И молока у людей много было.
 Породу тайжане вывели лично, –
 Смесь оленя с лосём, она стала личной.

И этих животных новой породы
 Не случали со старой, так было модно,
 Ещё, люди-девушки дрова собирали,
 А также кололи, складали, пиляли,
 Ловили рыбину, искали грибы,
 И ягод, поляны они поднашли.
 Ну, в общем, занятий было полно,
 Чтоб крышу им напрочь совсем не снесло.
 А взрослые больше совсем не «пахали»,
 А только советы детям давали;
 От взрослых, дети ничего не скрывали
 И их никогда не ослушались,
 А взрослые только, – удовлетворялись.
 Они жили все в одной комнате, вместе,
 Которая была побольше других,
 Ну а вторую такую комнату,
 Родители оставили, для интима, для них.
 Зима вот, настала, – работы уж мало:
 Охота, рыбалка, печь потопить,
 Приготовить поесть и лосеней накормить,
 Молока подоить, лосенятам чуть дать,
 Остальное уже, для себя то забрать.
 Пацаны для себя дела находили –
 Охоту в игру они превратили,
 Играли они против диких зверей,
 С ножами ходили они на зверей:
 Толпой кабанов они окружали –
 И своей смелостью, в бой с ними вступали.
 А взрослые, только в снегу и в реке
 Купались они для здоровья себе,
 А всё остальное время всегда,
 Когда не спали, и не мешала еда, –
 Сексом они лишь занимались, –
 Чтоб быть счастливыми – удовлетворялись.
 Кто хотел, тот смотрел из комнат других, –
 В окошко специальное смотрели на них.
 Мама сами сказали, чтоб им не мешали, –
 С других, а не в этой, они наблюдали.
 – И чтобы молчали, когда вы глядите,
 Чтоб не отвлекали, ну, в общем, – смотрите.
 Парни поняли, что так «тяжелей»
 И не смотрели, а гоняли зверей.
 А дочки-девчонки терпеть не могли,
 Уж очень манили их мысли.
 – Смотри.
 И видя, что мамы не только лишь с папой,
 А с мамами всеми спереди, с задю, сами решили:
 – Сколько можно терпеть?
 – Течь просто так.
 – Давайте «лететь».

И начали сами в комнате другой,
 Что была не маленькой второй,
 Мам своих парадировать, –
 И язычками вибрировать,
 Друг дружку стали ублажать,
 Лишь языком пока лизать.
 Родителям всё они рассказали
 И уточнили – как лучше, узнали.
 Мамы и папа дали советы
 И кое-что очень важное где-то.
 Важное это они как-то раз
 Нашли уж давно и получали экстаз;
 Нашли в обломках от самолёта,
 Целый багаж провозил кто-то,
 Приспособлений женских таких –
 Для замены органов мужских.
 Все разные были и даже с трусами,
 Девчонки себе надевали их сами,
 Друг в дружку входили и доводили
 До диких экстазов и не шутили.
 Мороз сильный был – 30°, 40°, иль больше,
 В такой не выходят на пять минут дольше.
 И парни пришли с предложеньем таким:
 – Ну, мы хоть одну сестрёнку – хотим.
 – Давайте ещё чуть-чуть подождём.
 Пока отжимайтесь от пола и – ждём.
 Я мудрости знаю и вам говорю,
 Что испытания все на корню,
 Даются всегда лишь для того,
 Чтобы прошёл человек, их на все сто,
 А если он их хоть чуть-чуть не пройдёт, –
 То не получит того, чего ждёт;
 И если добиться желаешь чего,
 То проходи «класс» весь, – на все сто.
 А если откажешься, выберешь легче,
 То – проиграешь, помочь будет нечем.
 Конечно, для секса, можно с сестрой
 Оргии разные или с одной...,
 Можно даже так рассчитать,
 Чтоб не смогли сестрёнки рожать.
 Но дело в другом: масть, ведь, пойдёт –
 И другой путь тогда не придёт,
 Детей не будет у вас никогда,
 А если от них, то – случится беда,
 Через поколение, весь род отомрёт, –
 И каждый поймёт, что он – идиот.
 Да что я вам это рассказываю снова,
 Уже говорил, а вы опять – снова...
 – Понятно, конечно, но ты ведь пойми...
 – Плавятся сильно наши мозги...

- Мысли лишь о сексе к нам идут...
- Скоро они сума нас сведут...
- Мы уже, что не делали только...
- И медитировали, но без толку...
- Мы постоянно в небо глядим...
- Очень внимательно за небом следим...
- Вот и пример вам. – Отец отвечает. –

Если желание не покидает,
Значит – когда-то добьётесь вы цели,
Если не будите вы беспределить.
А если будите – следить перестанете,
Или заснёте во время сверкания –
Упустите возможность,
Не увидите самолёт, –
Сами тогда скажите: «Я - идиот».

Дети отца все понимали
И ничего не предпринимали.
Вот, наконец, в небе одном,
Дмитрий увидел что-то с огнём.
Быстро объект к земле приближался,
Огнём весь горел, как упал, то – взорвался.

- На азросанях помчались?
- На них.
- А взрыв был большой? И когда – там, в полёте?
- Димон мне сказал, что - попозже в болоте.
- Болото сейчас снегом покрыто.

Вряд ли кто жив будет там - у «корыта».
– А взрыв был большой. – Сказал Михаил.
– Придётся ещё подождать.
– Где взять сил?

Приехали братья и увидали,
Что всё здесь сгорело, дымит очень, сзади.
Братья, конечно, сразу поняли,
Что ничего не возьмут, и не взяли.
Весь самолёт, конкретно сгорел,
Что уж ни кто не уцелел.
Прошло пару дней и братья решили –
Съездить туда, где раньше были, –
Может быть нужное что-то внутри
Им пригодится на годика три.
Смотревший на небо, дежуривший брат,
Вдруг почему-то сал сразу рад:

– Там очень много людей появилось,
На чём-то другом они приземлились.

Старший, – отец, заволновался:

- Рано ты, сын обрадовался,

Это спасать прилетели тех люди,
Важное что-то, видать, было в «блюде».
Готовьтесь, все, каждый, берите оружия,
И дочки, и жёны мои, кроме двух.

Мы все на трёх санях поедem туда,
 А там уж посмотрим, что делать тогда.
 Подъехали к «месту...», поодаль чуть стали,
 Чтоб люди из общества не замечали.
 – То – два вертолётa стоят впереди,
 Я о них вам рассказывал, назад, года три.
 Спасатели, вроде, а может, и нет,
 Быть может, хотели спасти, кого нет,
 Иль груз очень важный был на борту,
 Что прилетели они по утру.
 Вот только, чего же не улетают,
 Ведь всё то, – взорвалось, они понимают?
 – Глядите, пошли все по сторонам, ищут настойчиво.
 – А тот, идёт к нам.
 – Давайте, – к себе мы его заберём –
 И пусть он нас каждую... ночью и днём. –
 Дочка Олёна отцу предложила,
 Хоть была то – индиго, а всё ж лоно ныло.
 – Ну, что ты решил. – Спросил сын отца.
 – Пока ничего, подождём мы пока.
 Нужно узнать – ищут чего,
 И посмотреть, – из них – кто есть кто:
 Женщины есть среди них, иль нема?
 Нужно для всех решить, если да –
 То значит – одной вам хватит, на всех?
 Много людей – то уже не успех,
 Пока много нам народу не нужно,
 Что делать, потом решим вместе, дружно.
 – Я думаю, хватит пока для рывка.
 Другие поддержали своего брата.
 – А вам, мои дочки, одного будет мало?
 – Как осеменитель он будет сначала.
 – А сексом оргазмом – мы сами друг дружку
 Удовлетворим – доведём «дело» дружно.
 Другие дочурки слегка закивали,
 Хоть и о другом вовсе мечтали.
 – Короче, давайте, используем план.
 План первый таков: вы, вдвоём, на обман.
 К тому мужику вы подойдите
 И, вроде случайно, с ним заговорите:
 Мол, вы, две девчонки, здесь заблудились, вот,
 А как оказались, – не помните вовсе.
 И всё разузнайте, морально пытайте,
 Способности индиго вы проявляйте.
 Оружия вроде, нет у него,
 Мы будем отсюда следить, на все сто.
 Марина и Вика пошли к мужику,
 Свои «СВД» отдали отцу.
 Увидев, – их видит мужик с далека, –
 Сами пошли к нему, поспешав,

Чтоб он не кричал, зовя всех к себе.
 И чтоб не узнали другие – кто где.
 – Мужчина, ну, вот, наконец, хоть один –
 Марина сказала, к нему подходив.
 – Хоть один человек. – Поправила Вика,
 Чтоб «гость» заподозрить не смог ни подвоха...
 – Откуда вы, девушки, как вас зовут?
 И где всё случилось, и где парашют.
 – У нас амнезия, мы поняли сразу,
 Когда мы очнулись ночью не сразу.
 Ничего мы не помним. А где мы, вообще?
 Нам очень уж холодно стало уже.
 Мужик растерялся, хотел что сказать,
 Но девушки вмиг не стали молчать:
 – И кто Вы такой, и идёте куда?
 – Я чувствую, что случилась беда. –
 Вика Марину вновь поддержала
 И с мужиком в игру заиграла.
 – Я на вертолётах прилетел с другими,
 А вы с самолёта наверно спаслись.
 Как раз мы и ищем тех, кто уцелели,
 И мы вас нашли, пойдёте скорее...
 – Нет, нет, подождите. Куда мы пойдём?
 Вы всё расскажите – что где и где дом.
 Ни чего мы не помним, а значит – не знаем,
 Хорошо ещё, что Вас понимаем.
 – Там вертолёты, домой полетим,
 И дом вам, конечно, определим.
 – А что, – вы лишь только за нами летели,
 Иль в самолёте везли, «что хотели»?...
 – Нет, груза там не было вовсе – совсем.
 Мы ищем людей, известно уж всем.
 – Ещё расскажите, что в мире творится,
 Чтоб нам было легче приспособиться.
 – Людей стало мало совсем на планете,
 Поэтому ценят количество «Эти» –
 Правительство, в общем, чтоб вид наш спасти,
 От вымирания и для вечной жизни.
 – А сколько то – мало, всего на планете?
 – Один миллион осталось.
 – Ого!
 – Ведь это не мало. – Марина сказала.
 – Как же не мало? Совсем то уж мало.
 Ведь 50 лет тому, миновало,
 Было аж 6 миллиардов людей,
 Ну а теперь – всё поменьше; быстрее.
 – Чем же везде занимаются люди?
 – Работают, вроде бы, над чем-то всегда?
 – Люди давно, уж лет двадцать пять
 Делают только, что захотят.

Пищу машины всем производят
 И сделать, что нужно – роботы ходят.
 Люди уже давно не плодятся
 И не стареют... Чему удивляться?
 С пробирок детей уж не достают
 И не клонируют, только – живут.
 Творчеством, в общем, занимаются люди,
 Хобби свои удовлетворяют они.
 – И вы не способны оплодотворить?
 – А как же, – есть секс? Иль ему уж не быть?
 – Наверное, круто вам память отшибло,
 Но мы восстановим её вам назад.
 Я ж вам говорю, что старость с потомством –
 Это история уж не про нас.
 – А орган, то есть у Вас половой?
 – Наверно он есть, но не поднимешь рукой. –
 Вика марине догадку свою
 Сказала и сразу полезла к нему.
 Мужик без эмоций:
 – Зачем это надо?
 – Ну не откажите девчонкам.
 – Нам надо.
 Вика рукою орган нашла,
 Взялась поднимать, но не подняла.
 – А вы здесь без женщин? – Спросила марина,
 Про братьев своих чуть не забыла.
 – Есть женщины две у вертолёта.
 Пойдёмте уж к ним.
 – А всего людей сколько?
 – Всего нас 12, искать вас пошли.
 – А женщины две остались одни?
 – Конечно. А что? Вы совсем не такие,
 Да и вопросы у вас уж тупые.
 – Не помним ни чё мы.
 – Что, трудно понять?
 Успела Марина ему рот завязать, –
 Сзади она к нему подошла.
 Затем всех своих рукой позвала.
 Она им всё чётко вслух пересказала,
 А Вика ей тоже слегка помогала.
 – «Картинка» понятна. – Старик произнёс. –
 Я жить долго – вечно не желаю, замёрз. –
 Лицо он руками своими потёр,
 Подумал, глядя на гостя в упор. –
 Ну, в общем, проверим попозже мы всё,
 Что вам рассказал этот «осёл».
 А сейчас сани только с лосенями берём –
 И женщин захватим и всё заберём.
 А вы отправляйтесь и дом охраняйте,
 Ну, а если что – пока не стреляйте.

А в плен заберите, если кто подойдёт, –
Верёвкой свяжите, никуда не уйдёт.
Подъехали быстро, из далека,
И не заметно, наверняка.
Женщин мгновенно связали, забрали,
Ротики им пока завязали;
Всё, что там было, что лежало отдельно –
Всё скинули в сани, и «сдули» не заметно.
Всех развязали, когда в дом привезли
И женщин ещё расспросили они,
Женщины всё им подтвердили,
То, что им раньше уже говорили.
А также в санях нашли им прибор
И показали им истории набор.
Прибор был новейший и показывал он
Историю всю, – голограммный набор,
В общем, – как будто всё было в живую,
Узнали историю всю реальную – живую.
Один, вдруг, сказал:
– Мы вас оплодотворим.
– Этого даже не может и быть.
Сколько об этом можно уж говорить.
– Сейчас мы проверим, терпеть нет уж сил.
– Вы сами дадите? – Спросил второй сын.
Женщины сразу переглянулись:
– Мы этим совсем не занимались...
Парни их сразу раздели и в миг, –
Они ощутили радостный миг.
А женщины те ничего не понимали,
Лежали и только слегка отталкивали.
Оргия эта длилась три ночи,
Пока пролактин стал родной очень, очень.
А девушки, местные – аборигенки,
Гостя-мужика взяли за петельки.
И тоже, раздели, все вместе напали
И прелести свои ему все показали.
Ну, в общем, он и вместе все еле-еле
Его возбуждали и отымели.
Три ночи и дня они «издевались» –
Они с мужиком удовлетворялись.
Мужик, обессиленный, просто лежал,
А сам их всех лапал и у каждой лизал.
Инстинкт, с глубины у него пробудился –
И пролактин ему вмиг открылся.
Женщины Вера и Антонина,
Которые прилетели из общественного мира,
Уже к первой ночи, оргазм получили
И удовлетворение они ощутили.
Вот пролактин и их посетил,
Инстинкт, с глубины их пробудил.

Чуть позже девчонки, местные сестрёнки
Подшли к ним и показали, – насколько
Разнообразить можно секс их,
А сами потом отошли в тот же миг.
Минет, стали делать приезжие гости,
А братья, их брали, все сразу, в их «мостья».
Сестрёнка Наташа братьям помогла –
Во время оргии к ним подошла,
Засунула в попку госте одной
Братов член, а потом – и второй.
Сразу аж 6 мужиков женщин брали двоих,
А остальные смотрели на них.
Прошло трое суток и время «пришло»
Решить, что же делать с другими и всё.
Ну а другие не уходили, –
Своих то искали, но не находили.

Тоня и Вера всем предложили,
А Николай поддержал их, с их мира:
– Все полетели в общество к нам,
Вы вмиг сенсацией станете там.
Всё, что вам нужно – получите сразу,
Выделим всё, лично вам, мы отныне.
Будите женщин всех оплодотворять
И этим удовольствие им доставлять.
Правительство это одобрит и мы
Поможем во всём, в чём нуждаетесь вы.
Народ, что живёт – ни кто ведь не раз
Не получал в жизни экстаз;

Знают всё – много, и много умеют,
Но только это не знают, вот это имеют.
Раньше, в начале, когда прививали
От смерти лихой, – всем рассказали,
Что органы наши отжившие уж,
Прогресс настанет, они не нужны уже. Ух!

– Да, и ещё, - продолжал Николай, –
Быть может, для людей не настанет финал;
Быть может, лишь, вам благодаря,
Рожать снова смогут люди тогда.

– Вялые стали в обществе все,
Не хватало им, нам, нужен секс.
Это теперь я поняла. – Вера сказала,
И вновь полезла туда к молодцам крепким –
К их приборам, чтоб в себя их запроторить.

– Что вы ответите? Сами решайте,
Каждый, что хочет, вы выбирайте. –
Философ-старик вопрос детям задал
И ответа от них долго он ждал.

Дети общаться стали друг с другом,
Долго общались, ну, а гости-подруги
С некоторыми, по очереди сексом занимались,

Хоть и мозоли уже натирались.
Сестрёнки вот днём к ним подошли –
Поцеловали их в губки они,
А затем – в губы стали их целовать
И клитерочки их долго лизать.
Этим понравился и этот секс.
Одни то сестрёнки их ублажали,
Ну а другие им показали
Лоно свои и прямо в глаза,
А потом на лицо сели, любя,
Чтобы те гости у них полизали,
И гости с желаниями в миг языками затрепали.
В общем, - не в силах их остановить
Был уж ни кто и этому быть.
Ну, а когда язычки их устали,
Губки напухли и «задрожали»:
– Ну, кто соглашается с нами лететь?
– Кто хочет пол миллиона женщин отыметь?
Парни сомненья в миг все убили,
Когда смысл слов они то узрили.
– Я всё решил, я согласен, конечно. –
Хором сказали они все поспешно.
– Мы тоже лететь, конечно, согласны, –
Посоветовавшись, девчонки сказали. –
Но только хотим, чтоб у каждой из нас
Был личный горем, получать, чтоб экстаз.
– Всё это устроим, ведь мы пообещали,
Что будет всё, чего б вы пожелали,
Я лично имею право закон издавать,
И, что кому делать могу разрешать. –
Вера такую речь произнесла,
А Антонина её продолжила.
– Там вы у нас рацию взяли –
Вера с Тоней на неё показали, –
Сейчас мы всё скажем людям своим
И сразу поедem все сразу к ним.
– Только сюда их не зовите, –
Философ промолвил, – вы и учтите, –
Чтоб не показывали и не рассказывали
Где есть наш дом, всё потому,
Что лично я никуда не пойду.
Я здесь останусь, мне всё равно,
Чем вы приманиваете, всё – всё равно.
А жёны мои скажут мне что?
Спросил, посмотрев на их лицо.
Жёны сказали, что уже раз
Они уезжали и это – лишь раз.
– Мы никуда совсем не поедem,
С мужем останемся мы, ну, а детям,
Мы разрешаем и отпускаем

И в выборе их мы счастья желаем.

В общем, – родители простились с детьми,
А те, все пешком к вертолётam пошли.
Взрослые видели, как те улетали
И как издавека они им помахали.
Сами остались жить, поживать
И потихоньку старость встречать, –
Ждать перехода в следующий «класс»,
Надеясь вовремя на гипер экстаз...

Когда в мир общественный люди прилетели,
То от удовольствий вмиг обалдели.
Всё интересно им в момент стало
И возможности во всём им всем хватало.
Вера с Антониной обещание сдержали
И каждому всё, что хотели те, дали.
И вот, в мир, где не было пролактина,
Возможность попала, как будто бы «мина»,
И секс сразу вмиг везде появился
И каждый, кто ощутил – удовлетворился.
По всей аж планете гостей расселили,
Чтоб больше людей они удовлетворили,
Чтобы быстрее всех оплодотворили,
И, чтобы детей, всё же, родили...

Крепкий здоровьем, живой пролактин,
Многих людей уже удовлетворил,
Точнее – лишь начал, страсть то развёл –
И новую расу на свет произвёл.
Женщины те, что с тайги прилетели
Сразу же вмиг забеременели,
А все остальные попозже чуть-чуть
Тоже разбудили беременности дух.
Бессмертные люди и раса с тайги
Новую расу произвели.
Новая раса жить стала не вечно,
Но и не так уж быстротечно.
Медленно очень люди старели,
К тому же, почти ни чем не болели.
Лет по пятьсот аж они жили
И часто потомство люди плодили.
Планета опять густо селилась
И в сложное общество вновь превратилась.
Вновь стали люди болеть и страдать
И уже раньше стали, вновь, умирать.
Затем потихоньку и войны пошли
И много людей тогда полегли,
Ведь прогресс тоже дальше всё шёл
И много военных приколов развёл.
«Бомбы», так званные, круче ядерных стали,
Людей всех, морально, они обломали.
Затем это общество вновь на корню

Стало вымирать, и я здесь не вру.
Прогресс выживать, всё же, им помогал,
Но только лишь тем, кто у власти стоял.
 Большое количество имеет мало качества,
А маленькое количество имеет больше качества.
Поэтому огромное общество не имеет значества –
Значения, смысла и улучшательства.
И только лишь часто гормон пролактин
В жизни людей удовлетворит, –
Добавит им радости в жизни, и смеха,
Среди многих проблем их нелёгкого «века».
А те, кто гормон этот не выделяют, –
Будут всегда не довольны, они это знают.
А тот, кто не знает, – он пусть прочитает,
Тот, кто секс не любит и не желает.
Когда прочитает он эту поэму –
Поймёт свою генную в жизни всю схему.
Кто секс заменяет на другие «приколы» –
Тот заболевает психически, что ли.
Мужики имеют секс по желанию всегда,
Когда им возможность даёт женщина.
А женщины часто секс не хотят, –
Им жалко давать, пролактин здесь не рад.

0.2.4. «Временной мир» или «Жители времени».

«Настало время, когда наши корабли бороздят вре-
мя». Априот.

Три тысячи семьсот девяносто седьмой год –
Дошёл прогресс до временных ворот.
В нынешней точке времени этом
Каждый из всех уже был поэтом.
Экстросенсорикой он обладал,
Ум свой без разума не применял.
Глупостей бывших не сделал ни кто,
Так как сознание «вечно» росло.
Люди физически уж не плодились,
Не умирали и не гноились.
Душевно, духовно, информационно
Стремилась вперёд по прогрессу сегодня.
У каждого в доме был гипер экран,
С которого каждый за всем наблюдал,
Он пультом листал желанные точки –
Любые года, города, днём и ночью.
Ну, в общем, по старому если сказать, –
Компьютером четырёхмерным экран был,
И каждый с экрана мог, что хотел, всё узнать,
И так развлекался, и так, в общем, жил.
Антенны экранов настроены все
На спутник один, что подключен вовне, –
Улавливал он сигналы извне,

Подключенный был к оболочке вполне.
К оболочке планеты его подключили,
К электромагнитной системе внедрили.
Ну, в общем, налажена сильно была
Связь, с общим полем, информационная.
И смотр вот этот всех увлекал,
И сразу для всех он манией стал.
Ведь всем интересно было узнать:
Что было, что будет, чему не бывать.
Изменять ничего ни кто не желал,
Ведь интеллект их всё понимал;
К тому же, изменить ничего не получится,
Так как парадоксы во времени крутятся.
Они лишь смотрели и диву давались,
Как за всё время само время изменялось.
Уж много всего люди узнали
Через информацию, что получали.
Но мозг человека пытливый, влечёт
Всё дальше и дальше, вперёд и вперёд.
Поэтому были и есть в это время
Две фирмы крутые с названием «Время».
Услуги они предоставляют
Для экстрималов, ведь им не хватает –
Лежать и смотреть, что было и будет,
Им адреналин нужен очень. Вот, люди!?!
Клиентам корабль вручают они, –
И те отправляются во временные пути.
Корабль не большой, большого не надо,
Есть одноместный, двух; кому сколько надо.
На облако он похож издалика,
Летает и светится даже слегка.
Следить за клиентами вовсе не нужно,
Ведь время само себя оберегает дружно.
На страже всегда стоят парадоксы,
Они не позволят конкретной загвоздки.
Конечно, бывают всегда исключения, –
Когда парадокс в парадокс попадает, –
Тогда автоматика в компе у фирмы
Срабатывает – и идут «кинофильмы» –
Всё так остаётся, что кто начудил
И фирма по времени тут уж без сил. –
Кому удаётся двойной парадокс совершить –
То эти события остаются, так им и быть.
Полиции времени нету совсем
И это известно, естественно, всем.
И вот, корабли бороздят прям всё время,
И это прикольно, и это не бремя...

Так как господь бог – это начало и конец,
А соответственно – одна и та же точка времени,
Значит: материя движется по кругу времени,

А господь бог – это арагоническая точка.
 Получается, что время не бесконечно,
 Что у него есть определённое расстояние.
 А за преодоление определённого расстояния
 Жители времени платят своё «состояние».
 Жителями Времени являются:
 – Планета, что, двигаясь, постоянно меняется;
 – Флора и фауна, люди, машины,
 – Клетки, протоны, нейтроны и силы...
 Люди машины-корабли изобрели,
 Эти корабли по времени пошли.
 Ездят, – летают и наблюдают, –
 Предков своих они удивляют.
 Ведь предки не редко их замечали, –
 Затем, об увиденном, в историю писали:
 «Ангелы были, над нами летали
 И чудеса нам показывали;
 С планеты другой существа прилетали;
 Бог к нам спускался; люди мерцали».
 Вот так парадоксы² (в квадрате) и получались,
 Фактом в истории так и остались.
 От сюда религии все и пошли,
 И в парадоксах² (в квадрате) себя и нашли.
 Вот к Иоанну корабль спустился,
 Но перед этим слегка изменился, –
 Трансформацию, экстримал, корабля произвёл
 И этим фурор, для Иоанна привёл.
 Экстримал Канафат прискользил вот сюда,
 Конечно совсем, совсем не спроста.
 Он знал, что увидел тогда Иоанн,
 И сам захотел стать пилотом корабля,
 Чтоб ему говорить с Иоанном о будущем,
 А не кому-то другому совсем –
 Он первым успел стать тем парадоксом² (в квадрате),
 Чтоб в библию тоже попасть парадоксом² (в квадрате).
 Выдвинул Канафат 7 фар и включил,
 Корабль в робота он превратил,
 Посредине вокруг – золотая кайма,
 А верхушка бела была у корабля;
 От кабины стеклянной солнца свет отражал,
 Иоанну тем самым, на огонь намекал,
 Из сопла струился огонь от работы,
 Как у ракеты и самолёта;
 Двигатель включен был – громко шумел, –
 А Иоанн тогда офигел;
 Рука корабля-робота держала огни,
 На звёзды были похожи они.
 Канафат с Иоанном заговорил
 Через бортовой компьютер, что переводил,
 Ведь их речь различной была

И через компец стала понятней она.

Ну, в общем, – с собой он Иоанна забрал
И многое, что будет, ему показал.
Сказал: «Напиши, чтоб люди все знали
И этих событий, чтоб ожидали,
Чтоб беса не гнали, хотя, – будут гнать,
Но будут корабль и меня вспоминать».
Иоанн всё смотрел и диву давался,
И на постой всему удивлялся,
Он понял, как мог и всё записал,
И в Бога он верил, но офигевал.
Когда речь дошла до событий его,
Канафата – экстримала – гостя сего, –
Иоанну Канафат о скольжении по времени рассказал,
Но написать об этом он запрещал.
Сказал: «Тот меч обоюдоострый,
С лица моего корабля, что исходит,
Как раз за путешествия во времени отвечает
И меня к тебе перемещает».
Ещё он сказал Иоанну, что времени больше не будет,
И что конец непременно настанет всем людям,
Про весь он прогресс ему рассказал
И про тот, что в будущем сам увидал.
Короче поведал ему до фи́га, –
Наук разных много, ну, все. Вот те, да?!
Не прямо всё понял седой Иоанн,
Но то, как он понял, – он записал.

Вот так «Откровение» и получилось,
Затем оно в «Библии», конечно очутилось,
Затем – всем известно в будущем стало, –
И интерес Канафата оно привлекало.
Такой парадокс² (в квадрате) Канафат сотворил,
Он есть – экстримал, у него много сил,
Чтоб так вот осмелиться – и поскользиться,
И в роли Бога себя проявить.

Другие экстрималы тоже скользят,
Адреналин получают и рады,
Против прогресса не попрёшь,
Прогрессу – награды.
Вот так будут люди в будущем жить,
Пока Земля Венерой становиться не будет,
А после – на Земле не возможно станет жить,
А все в прошлое не смогут «утектить».
Поэтому на Марс они переберутся,
К этому времени там жизни начнутся, –
Льды растают, появятся материки
И люди парадоксально начнут свои шаги.
Это и будет далёкое прошлое,
И они там встретят тех,
Которые попадут туда

Совсем другим путём, –
То есть на «облаках-кораблях» прискользят
И эволюцию в раз удивят,
А эволюция рядом пойдёт –
И таких же людей ещё изобретёт.
Потомки у них, у всех, общие будут.
Откуда их предки, – они позабудут.
История также пойдёт, как и шла, –
И вот, – до арагонической точки дошла.
Но это совсем не повторенья,
Круг лишь один и большой и малой,
Это, всего лишь, как календарь –
Круг в круге, – принцип матрёшки, – простой.
Жители времени клёво живут
И друг с друга смеются – «орут»,
В общем, – «колбасит» их всех и везде,
Мир временной интересен вообще!

0.2.5. «План террористов».

Я пришёл в село на ферму что-то узнать.
Своего отца я попросил меня подождать
Возле входа на территорию фермы.
Я пошёл между зданий, они были, как консервы.
Я подслушал разговор трёх людей и понял,
Что террористы это были, что-то, падлы, замутили.
Я быстро побежал, отцу я лишь сказал,
Чтоб он пошёл домой, ну или подождал.
Он вмиг пошёл, а я ушёл – на ферму в здания пошёл.
Подглядывал за ними я. Затем ко мне пришли друзья.
Напарник мой вместе со мной с толпою слился и с братвой.
Мы начали общаться с людьми, и террористы тоже с нами.
Но претворялись то они, и ни кого в заложники не брали.
А я то знал коварный план: они взорвать что-то хотели.
И мы с напарником решили их укротить высокий нрав.
Потом те люди разошлись, или их эти увели.
А мы на улице стоим и с террористами говорим.
Я понял сразу, что они всё уж поставили..., скоты,
И что сейчас меня убьют, а сами далеко уйдут.
Я так хотел их одолеть, но я боялся главаря,
Затем я их всех «пригрузил», а сам свалил, вперёд, бежа.
И вот уж нас аж трое стало, и против них решили мы пойти.
Я план слегка всем набросал и вместе с ними я помчал.
Сперва те взяли одного напарника-то моего,
А к нам двоим пришёл один – наставил пистолет, вот блин.
Напарник мой, со своего, патроны вынимал ужо,
И я ему тут удивился, но тут разбойник «возбуждился».
Он вдруг отдал свой пистолет, мол – поиграем, а, стрелец?
Я резко револьвер схватил, но звук пустой внутри «пробил».
«Там ведь один патрон остался, как далеко?», – он издевался.
Я на патроны вмиг забил, и от него я поспешил,

В тот момент, когда напарник спичкой вату подпалил,
К трубе он вату прислонил, откуда газ уж выходил.
Мы побежали вмиг вдвоём и видели, как третьего
Взяли в заложники они, их было больше уж, чем три.
Затем вернулся я назад, чтоб отыскать того, кто гад,
А встретил в здании одну девушку Катю, вот облом.
Я ей всё быстро рассказал и вместе с нею побежал.
Мы убегали, потом шли, чтоб не взорваться нам внутри.
Мы долго шли, и вот идём, и видим мы уже бомжов,
Все возле мусорки стоят, возле огня, и тут расклад:
Подходит негр и нависает – Катю с собою забирает.
Я говорю ему: «Свали, это жена моя, пойми».
Сказал я так, чтоб он отстал, но он ещё сильнее пристал:
«Что ты жена?», – он закричал, «Ану, сюда иди – в причал».
Он на неё стал нависать, прямо, как будто её знал.
Я понял то, что он был муж, она сказала после уж.
Он забирал её с собой, я потянул её рукой,
Мы дальше быстренько пошли, а он орал нам вслед понты.
И вот подходим мы туда, где перед нами не стена,
Где перед нами нет дороги, а лишь разбитые дома.
И через них трудно идти, чтобы домой нам всё ж прийти.
И я подумал, что обломки – это дома везде уже,
И что в живых больше уж нет совсем теперь людей,
Что все взорвались, и родня моя давно вся умерла.
Я вдруг подумал: «Почему всё взрыва нету?», не пойму.
И тут вмиг мысль ко мне пришла, что взрыв пошёл уже тогда,
А мы не умерли ещё, лишь, потому, что, ё-моё, –
Попали в зону действия замедленного времени.
Те террористы для себя включили здесь её тогда,
И каждая секунда стала, как целый месяц или год.
Я понял, что тот газ горит, что мой напарник поджжёт вмиг,
Но лишь медленно здесь, ведь был использован прогресс.
Устройство тоже уж взорвалось, но в зону эту ещё не взялось,
Я понял, почему ни где главаря нет и – все в беде.
Главарь давно уж улетел с этой планеты, ух злодей.
Я тут увидел вдалеке, что те дома, где мои все,
Ещё стоят и не взорвались, а значит – зоной, оказались,
Где действует прибор прогресса, но ведь не знает это пресса.
Я понял, что моя родня – ещё пока она жива.
По обломкам сразу вмиг расхотелось мне идти,
Я отправился туда, где прибор мог быть, пойми.
Снова я пошёл назад, туда, где было много врат,
Много зданий, комнат тоже, может, есть кто живой всё же.
Вновь по ферме я всё шёл, вдруг кого-то я нашёл.
Я увидел женщин две – захотел я их вполне.
С понтом – время ещё есть, почему бы мне их здесь...
Я рискнул – и их спросил: «Как на счёт всех моих сил,
Мол – давайте «оторвёмся» – сексом вместе мы займёмся».
Те слегка похихотали, подошли и вопрошали:
«Если есть чем заниматься? Можем мы и «повлюбляться».

– А вы проверьте, посмотрите, а лучше – вы на вкус возьмите,
Вы попробуйте его, через вкус «он» – ого-го».
Вмиг ширинку расстегнули, член достали, ну, и взяли.
Я вмиг быстро возбудился, третью я «влюблять» пустился,
Тут четвёртая подошла, на «него» села она.
Почему-то было туго, я подумал: «Хоть подруга?».
А напротив ещё женщина сидела и на меня она глядела,
И ублажала в тот час себя, очень сильно всё текла.
Я вмиг встал, к ней подошёл и к себе её привёл,
Она сразу вмиг нагнулась..., вдруг другая улыбнулась –
Негритянка, да красива, подошёл я к ней игриво,
Начал я её «влюблять», мне прикольно было, глядь...
Резко я проснулся вдруг, от того что «младший друг»
Твёрдый был, ну, как железо, в общем – крепко он стоял.
План удался, или нет – я не знаю тот ответ,
О террористах я забыл, мне больше нравился минет.
Вот такой вот конец света, о нём долго я мечтал,
Чтоб спасти свою планету, но её я не спасал...

0.2.6. «Отражение».

Родился ребёнок, назвали Ребекка,
Она была дочкой того человека,
Который в течении жизни своей
Свой мозг доводил до новых «дверей» –
Он психику часто всегда напрягал,
И в разные стороны её изменял,
Стремился к способностям разного рода,
Ему интересна схема природы.
Все паро-нормальные явления видал,
И как они действуют, – он понимал.
Он знал, что лишь мозг всем управляет,
Что человек чувствует, видит и знает.
По генам до дочки программа пошла –
Уникальную возможность Ребекке дала.
А смысл возможности она поняла,
Только тогда, когда подросла.
С детства Ребекка часто, всегда,
Игралась у зеркала много она,
Смотрела в него и говорила,
С отражением своим она подружила.
Но ей отражение не отвечало,
Совсем ведь, другое, она замечала,
И думала то, что другая девчонка
Живёт в зазеркалье, и это так «тонко».
Ведь там, в зазеркалье была всё ж она,
Но только немножечко, всё же, не та –
На год она старше была себя,
Вот такое наследство получила она.
И вот когда девочка всё понимала,
Родителям всё она рассказала,

О том, что сестрёнка в зеркале живёт,
И что она ею становится через год.
Мама всё приняла за детскую игру,
А папа, совет ей дал на корню:
«Когда смотришь в зеркало – ты говори,
О чём ты жалеешь, на год, позади.
Ведь ты видишь сестрёнку, что чуть тебя старше,
А тебя видит другая, что чуть тебя младше.»

– Уже целый год мне та говорит,
Что и как сделать, иногда мне твердит.

– Ты её слушай во всём и всегда,
Она не посоветует никогда вреда.

– Я это заметила, уже проверяла,
Когда не послушалась, то понимала.

И вот дочка выросла и поняла,
Что её отражение совсем не сестра,
Что это она, но старше на год,
Что у других нет такой возможности, вот.
Чтоб не перебивать друг дружку – себя,
Когда через зеркало говорила и слушала она,
Ребекка составила схему себе,
И по этой схеме всё понимала вполне.

Один год она говорила по вечерам,
А следующий год – лишь по утрам;
Ей легче так было, друг дружку понять,
И чётко, всё, слыша, могла она знать.
Что слышала, так и поступала,
В дневник будущего многое записывала,
О том, что не скоро ей делать, не делать,
И часто читала, чтоб правильно сделать.

– Папа, ты мне скажи, я не пойму,
Как, всё же, я парадокс обхожу?
Ведь если событие я, изменила,
Откуда информацию я получила,
Ведь после измены, я б не говорила
Чтоб младшая я, его изменила,
Тогда бы его я и не изменяла,
И всё бы по новой, тогда б начинала.

– Ребекка ты – умная дочь у меня,
Раз ты парадокс здесь увидеть смогла.
Логически будем с тобой рассуждать,
Чтоб всё прям, как есть получилось понять.
Реальное начало твоё – это ты,
А отражение – второе, внутри,
Словами простыми – то, что могло бы быть,
Твоё подсознание тебя смогло научить.
Начало отсюда идёт. Ты согласна?

– Ну, да, понимаю, я это прекрасно.

– Когда ты событие уж поменяла,
Оно первоначальным быть перестало.

Для тебя теперь вот так получается:
Вначале чего ты не видела – то тебя не касается.
Ведь ты выполняешь, что слышишь извне,
Это лишь то, что могло бы быть в не...,
А на самом деле не произошло,
И этим тебе оно помогло,
А это оно пошло из тебя,
Ведь ты говорила себе лишь сама.
Такая лазейка здесь в парадоксе,
Понять её вовсе, очень не просто,
Но над парадоксом ты ведь, «взлетела»,
А значит, ты мозгом лазейку узрела.

Ребекка о прошлом туда говорила,
Что ей не нравится, и как лучше бы было;
О будущем всё она узнавала,
И то, что могла, конечно, меняла...

Сидит она в кресле, как перед экраном,
И в зеркало смотрит, конечно, не даром,
Она пьёт чаёк и ждёт всё когда,
Появится в зеркале том «старшая».
Зеркало было простое, как все,
И отражение комнаты показывало вполне,
Но сидящая Ребекка в нём не отражалась,
А только пустое кресло отражалось.
Но вот, дождалась Ребекка «себя» –
«Старшая» Ребекка сюда подошла.
Села на кресло, из зеркала глядит,
Как будто в пустоту, и оттуда говорит:
«20-ое марта. Вчера поняла,
Что зря я с Василием ночь провела.
Его я пол года хотела, крутила,
Но им я себя не насладила.
В общем, не стоит он меня,
Не нужно с ним «спать» и хотеть никогда.
Я помню, не в мочь, поэтому ты,
Лучше с Береньевым ночь переспи,
Ведь он меня любит, конкретно, на всю,
А я почему то его не хочу.
Быть может, когда любят тебя
Жить интересней, чем когда ты влюблена».

Ребекка в блокнот всё записала,
Вышла из комнаты и «побежала» –
В свой институт пошла на занятия,
А сама всё раздумывала о более приятном.

Ну, а «Отраженье» ещё посидело,
Как будто совсем в никуда поглядело.
Затем тоже, молча, оно удалилось,
Как будто бы это кому-то приснилось.
Ведь даже тогда, когда оно там сидело,
Другие не видели, им не было дела,

Они его, просто, не замечали,
Хоть даже когда туда наблюдали.
Лишь только Ребекка видеть могла
Себя через год, лишь только она.
По генам такое она получила,
И с этим жила, и это любила.

Она много разного очень писала,
И как та велела всё исполняла.
А также «младшей» себе говорила,
Что изменить, чтоб лучше ей было.
Но в жизни у ней ничего не менялось
Из-за того, что она «распиналась».

– Зачем мне «младшей» рассказывать всё,
Ведь настоящее не изменяется моё. –
Спросила она как-то отца,
Он был для неё лучшим другом всегда.

– Такая работа в мозгах у тебя:
Если перестанешь говорить «младшенькой» когда,
Тогда и сама перестанешь наблюдать,
Как «старшая» будет советы давать.

– Так значит я, всё ж, говорю не себе,
А какой-то другой Ребекке, вдвойне?
Ведь то, что я слышала – я не говорила,
Хотя – потому что уже изменила?

– Запутанно всё. Я понимаю, –
Сложно тебе, я это знаю,
Но всё же она тебе помогает,
И тоже так думает, и о чём-то мечтает.

– А может быть, нету её совсем,
Быть может, моё подсознание помогает мне.

– Быть может, и нет. А если вдруг есть?

– Так может проверить мне эту «жесть»?

Ребекка решила проверить, слегка,
И говорить перестала в зеркало она,
Но «Отражение» пока с ней говорило,
И ей это было, нормально и диво.

И вот, отражение ей подсказало,
Что связь с ней Ребекка нашла для начала
В зеркале дома, ну, а сейчас
Может в любом зеркале держать связь.
И в институте и даже в метро,
В любом зеркале она стала видеть его.
Оно ей всегда говорило о том,
Что нужно сделать, чтоб лучше было потом.
Но только ни за минуту, а лишь за год,
И Ребекке приходилось записывать, вот.

И так продолжалось у ней много лет,
Всего добивалась и знала ответ
На всё, что лишь только тревожить начнёт,
Что может мешать, что сильно «возьмёт».

Успешной Ребекка была и счастливой
Радостной, весёлой, и очень игривой.
Так долго жила, и ни в чём не нуждалась,
Ведь у неё всё получалось:
Любимое хобби и прибыль в придачу,
Дети послушные, муж, друзья, дача.
Когда ей полтинник пробили года,
Фигуру ещё держала она,
Здоровье отличное и настроенье,
Ведь исполняла она все веленья,
Которые «старшая» ей говорила,
Она её слушала и не дерзила.
В любом она зеркале её наблюдала,
Детали разные она замечала:
И ту обстановку, что вокруг неё,
И город, квартиру, и даже бельё.
Она даже видела мельком людей,
Что проходили иногда между ней –
Между той, которую наблюдала
В зеркале любом, и замечала.
Ну, в общем, устроилась в жизни она,
Совсем не хреново, поверьте друзья.
Ребекка стильной художницей стала,
Смыслом в картинах она успевала
За временем «гнаться», чтоб не отставать,
Ведь ей было, кому помогать.
Ну, а сама она не отражалась
Такой настоящей не проявлялась,
Себя лишь на видео видеть могла
Во времени этом, в котором жила.
И вот как-то раз она заглянула,
Чтоб вновь записать, что ей там приглянулось,
Ребекка увидела сразу себя,
Такой, как есть, какою была.
Мгновенно понять не смогла она это,
Упрямо ждала какого-то совета.
Но отражение упрямо молчало,
Ребекка вслух после что-то сказала.
Заметила, сразу, что та повторила,
Прямо синхронно с нею, как было.
Она заподозрила – что-то не так,
Как было всегда, и это бардак.
Ребекка внимание в миг обратила
На обстановку, что в зеркале была.
Увидела сразу она тоже самое,
Где находилась, но была-то упрямая:
Стояла и ждала, смотрела туда,
Хоть что-то уже она поняла,
Но верить в другое она не хотела,
И долго при долго в зеркало глядела.

И вот наконец-то она отошла
От зеркала того, и себя «в руки взяла».
Потом через время ещё подошла,
Чтобы проверить «его» и себя. –
И вновь ни чего, вот это досада,
Такого ей точно совсем уж не надо.
– Кого же спросить? – Вдруг заговорила,
Отец её умер, давно это было.
А больше ни кто о том и не знал,
Что тайный, из зеркала, у ней был «сигнал».
Она пролиستала всё, что писала,
Но так ни чего и не нашла,
Что могло бы помочь открыть ей «глаза».
Не поняла она и тогда,
Когда последнюю фразу раз 10-ть прочла:
«Картину под номером 30-ть продай,
Не спорь с покупателем и уступай».
Сама рассуждать тогда она стала:
– Один лишь ответ здесь вижу я:
Я через год уже умерла.
Но как это случилось, не знала сама,
Наверное, какая-то резкая авария,
Ведь себя я так и не предупредила,
И совсем не знаю – как это случилось.
Что делать теперь, – совсем не пойму,
Быть может советы не брать, что ношу,
Тогда ведь изменится всё по-другому,
А может, я этим себе помогу.
Подумав не много ещё, про себя,
Ребекка, решила, что не умерла,
Что просто, под старость, её дар исчез,
И это для неё сейчас – только стресс.
Жила она дальше и жить не боялась,
Советы, что были, все исполняла.
И вот как картину она продала
Под номером 30-ть, что долго ждала,
Увидела ту обстановку, что тогда
Запомнила, последней, в зеркале, она.
Но этим ни чего она не поняла,
Пошла по дороге и размышляла,
И думала, что и так проживёт,
Ведь другие живут так любой каждый год.
Но тут, вдруг, внезапно прямо с верха,
Посыпались камни на облака,
Ну, а через них на землю летели
Всю нашу планету убить захотели.
Грохотом прямо падать начали
Разные метеориты, и не прекращали,
Затем, уж и звёзды с орбит посходили,
И к нашей планете они поспешили.

Они все прям в Землю на скорости мчали
Друг дружку всё чаще перегоняли,
Вонзались в планету рывками такими,
Что полностью всех они истребили.
Земля накалилась от встряски такой,
И вся изменилась – состав стал другой.
Такой стал состав, какой был на Венере,
И градусы сильно пошли беспределить.
Так резко и быстро всё произошло,
Что ни кто не успел совсем ничего.

0.2.7. «Поэма о Априоте».

Берите мою книгу, берите – покупайте,
Возьмите мою книгу, возьмите – прочитайте.
Я – писатель-поэт, я уж долго пишу,
Ну, а денег всё нет, а я тоже хочу:
Покупать вкуснатищу, и в одеждах ходить
Очень стильных, прикольных, мне бы их поносить;
На авто покататься, самолёты иметь,
Чтобы смог я куда, захочу полететь,
Личного адвоката, чтоб меня защищал,
И конечно всего, о чём я мечтал.
В моей книги всего, очень разного, много
Только смысл колючий навивает тревогу,
Так как темы затронуты очень такие,
Что не каждый умом их захочет осилить.
Я пытаюсь всегда докопаться до сути,
Затрагивая вопросы, вы уж не обессудьте:
Как Вселенная со временем вообще появилась
И откуда мы, люди, здесь, вообще очутились.
Этот вопрос философский и грубый,
И поэтому о нём не хотят слышать люди.
То есть значит – до правды не хотят докопаться,
Ну, а я к ней стремлюсь, и не буду стесняться.
И в стихах и в рассказах, и в песнях, в «Программах»,
И в поэмах, и в «Бреде», и даже в «Фактах»
Я об этом пишу, чтобы вы прочитали,
И хотя бы основное, всё же, поняли.
А ещё я пишу о событиях и ситуациях,
Что ко мне, в инсайте, поступают в разных вариациях.
Мысль пришла – появилась, я её рассмотрел,
Стал её дополнять и писать, что хотел.
Может этот инсайт идёт изнутри,
Ну а может снаружи, попробуй пойми.
Я пытаюсь понять и разобрать,
И поэтому мне всегда приходится писать.
Только вот доказательств я не имею,
И свои теории доказать не сумею.
Здесь уже язык веры: веришь мне или нет,

Если нет, то ищи ты другой тогда след.
Но везде смысл один, а смысловой язык разный,
И для людей каждый, из языков, заразный.
Есть языки религий, языки науки,
Философов разных, и это не шутки,
Есть смысловой и у меня,
Он лично мой, его создал я.
Ещё я прогресс затрагиваю часто,
Он мне интересен, но это опасно.
Прогресс ведь дойдёт скоро и до того,
Что люди через время гулять станут легко.
А сам я, конечно, против прогресса,
Ведь жалко планету свою из-за стрессов.
О людях я правду всю написал –
Какие они, если б раньше я знал,
Тогда бы на свет я и не рождался б,
А лучше бы я в небытии остался.
Правда, конечно, всем «колит» глаза,
Поэтому вам может не понравиться она.
Пишу я для тех, кто от правды кайфует,
Кто ищет её, а не блефует,
Кому интересны: рифма и смысл,
Ну, в общем, моя личная мысль.
Про секс много песен и о любви,
Хоть это и разное, в общем – смотри;
Многое взято из жизни моей,
Что-то с других и от друзей,
Многое также приснилось во сне,
Многое инсайтом примчалось ко мне.
Если фантастику любишь и ты –
Книгу мою приобрети.
Вместе с фантастикой я размешал
Свою философию и свой вокал.
Может, кому-то совсем не понравится;
Может, фанатом кто-то окажется;
Может быть, кто-то совсем не поймёт,
Может быть, что-то, а может быть, всё.
Но, как известно многим пословица одна,
Она в поэме этой сильно здесь нужна:
«На вкус и цвет товарищей нет»,
А тот, кто захочет – отыщет ответ.
Вообще, скажу честно, что в книге любой
Ответ найти можно на вопрос, тоже, любой.
Но каждый читает по теме своей,
Что ему интересно, ну, или ей.
А в этом и есть различие по языкам,
По смысловым. – Понятно это Вам?
По жанрам ведь люди книги читают,
По жанрам друг другу и предлагают.
Мой жанр: философской фантастикой называется,

Внутри на разные узкие направления разделяется,
Намёк на вульгарщину присутствует там,
Ведь без неё не может быть нам.
Я – Априот, так как мне всё равно:
Что доказали другие уж,
Я верю только себе, вот и всё,
Джин изнутри помогает давно.
Раньше я ездил по городам,
Общался с людьми и тут я и там,
Ну, а сейчас со двора не вылажу,
Так как с другими – это всё – лажа.
Я как отшельник, хотел бы им стать,
Только помногу люблю я лежать,
А чтобы жить от всех далеко –
Придётся работать, а мне не легко,
Я по призванию, ведь, не работаю,
Ну, а философ-писатель – лентяя,
Поэтому мне всё же приходится соприкасаться
С обществом везде, и не куда мне деваться.
Даже дома во дворе общество всё прёт ко мне.
Кто-то звонит и приходит – нервы он мои заводит.
У меня всегда два «Я»: Роман – сознание, Джин – душа,
Ну, а вместе – Априот, вот такой вот «пароход».
Две личности спорят часто и для меня это ужасно,
Очень кумарят они друг друга, и эта война идёт по кругу,
Мысли такие Джин мне суёт,
Что кто б их послушал – сказал: «Идиот».
Но контроль всегда у меня – у Романа,
А Джин – я второй – пассажир, без обмана.
Мне Джин очень часто всегда помогает –
Желания все он мне исполняет –
Настраивает меня – Романа он так,
Что Роман получает желанный «дозняк».
Ну, в общем, хватает и дружбы, и спора,
Двум личностям, ведь, они того стоят,
Единство ведь их это есть – Априот,
Он – я – есть – писатель, нормально живёт.
Раньше я гнался за сексом, за водкой,
И за учёбой, и за работкой,
Ну, в общем, пока я себя не нашёл –
Я хлопотным был, напрягал себе «шов».
Теперь я уж знаю – нашёл я себя,
Писателем буду уже навсегда;
Другим я ни кем быть не желаю,
С писательством я себя поздравляю.
К другому совсем ни чему не стремлюсь,
А всё, потому что собою горжусь.
Стремлюсь я лишь стать знаменитым поэтом,
Зарплату хочу я только за это.
Поэтому книгу мою покупайте,

Ведь не чем пока мне вовсе питаться.
 Зарплаты за книгу пока совсем нет,
 Купите хоть Вы, я совсем не одет.
 За что я могу купить себе, выпить,
 Когда не купили Вы книгу мою,
 И если её Вы так и не купите
 Тогда я без денег совсем пропаду.
 Водителю платят, строителю тоже.
 Писателю кто в карман деньги положит?
 Лишь только читатель, купи, прочитай,
 Гению сгинуть не позволяй.
 Ведь если я деньги смогу получать,
 Тогда и смогу ещё написать,
 Порадовать тем поклонников своих,
 Что ещё напишу какой-нибудь стих,
 А может поэму, а может рассказ,
 И конечно, получу, от этого экстаз.
 Путешествовать я уже не желаю,
 Я на природе живу, и я знаю,
 Что лучше луга, леса и реки
 Нет ничего, кроме – писать стихи.
 Сам я очень добрый, мягкий и простой,
 Не люблю обманы, подставы, ну, и бой,
 А люблю открытость чувств, свою Любовь,
 И когда чистая моя всё время кровь.
 Недостатки тоже присутствуют у «Нас»:
 Я надоедаю кому-то всякий раз,
 Ною, пристаю, пока мне не ответят,
 Внимания я требую, пока меня заметят.

0.2.8. «Поэма о Земле».

Всё существующее действует по одному принципу –
 Прохождение стадий, благодаря изменению материи:

1. Появление из предыдущей стадии;
2. Рост;
3. Потомство;
4. Отмирание – переход в следующую стадию.

Трёхмерное пространство во времени живёт,
 Ни чего оно не знает и на всех оно плюёт.
 Ну, а время лишь в любви отдыхает, ты пойми.
 А шестое измеренье это вам не притяжение,
 Это что-то там ещё..., их одиннадцать всего.
 Все мембраны во Вселенной проживают постепенно.
 А одиннадцатое это вечность в пустоте.

Вот трёхмерное кружляло, и любиться пожелало,
 Отдалась лучам извне, это было не во сне.
 Потомство, чтоб всем произвести –
 Нужно ген у самца себе приобрести.
 Вот планета ген поймала – Солнце так ей ген зачало.
 Только Солнце не вот это, а совсем из далека,

И теперь наша Земля носит своего дитя,
А когда Земля родит – изнутри дитя взлетит.
Это вот и есть – луна, а сейчас её нема.
А сейчас Земля – Венера, вот такие вот дела.
Ну а наше солнце это – оно мать нашей планеты.
А когда планета сама была ещё совсем дитя –
Она Меркурием была, затем – не много подросла.

Вот Венера Землём стала – всё в округе заблестало:
Воды быстро потекли, прям из недр самой Земли,
А из вод пошли все те, кто сейчас плещется в воде,
Затем, появилась суша, а за ней потом и груша,
Семена в Земле хранились, а затем и появились;
А потом процесс пошёл – эволюцию «нашёл» –
Из воды за много лет, повылазили на свет
Разные виды существ, кто заметит – тот и съест.
Когда были динозавры – ещё не было луны,
И они здесь «дружно» жили и не видели войны.

Вот пришла пора рожать – Земля начала дрожать,
У ней воды отходили и зверей всех поднакрыли,
А затем прямо с вулкана появилась панорама:
Ядро вылетело сразу и закружилось, как зараза.
Дитя Земли это – Луна, она кружит вокруг себя,
И вокруг мамочки своей она кружит уж много дней,
От мамы прочь всё не идёт, она её ещё сосёт.
Когда уже мать родила, то её матка зажила,
Моря из недр вновь потекли и снова существа пошли.
И эволюция опять планету стала донимать.
Пока здесь не было людей – всё было, в общем, спокойней.
Но когда люди появились – они на ней остановились.
Из эволюции пришли, прогресс с собою принесли.
Прогресс планету долго мучил, всё время не было ей лучше.
И вот она уж замахалась – второе дитё у ней затрепехалось.
Встряхнула вновь она себя – и людям всем пришло хана.

Вот у планеты уже два ребёнка – спутника. Когда?
Это тогда, когда она, уже есть – Марс, а не Земля.

0.2.9. «Поэма о чувствах и инстинктах».

Чувства это только – деятельность души,
Инстинкты – организма, деятельность, пойми.
Инстинкты пытаются реализоваться,
Но сознание управляет ими – приходится стесняться.
Управление инстинктами, сознанию легко даётся,
А управление чувствами – ему не поддаётся.
Душа управляет чувствами, вот,
В этом и есть весь супер код.
Любить, сознание просто не может,
Это душа его вечно гложет.
А только инстинктами сознание управляет,
И то, иногда на управление забивает.

От чувств сознание только страдает,
Ну, а душа во всю в них играет.
Когда уж нет чувств – человек умирает,
Душа его тело тогда покидает,
Сознание с собой она забирает,
А программа инстинктов тогда затухает.

0.2.10. «Скачки по времени».

Когда люди на Земле только начали шаги,
Вдруг родился человек с аномалией внутри –
Он всегда перемещался, когда чему-то научался,
Автоматически «линял» по времени в будущее гнал.
Сначала – на несколько годов, потом – на несколько веков.
Зверей ловить он научился – и сразу в миг переместился,
Попал – туда, где уже землю стал обрабатывать народ,
И он, с народом поработав, опять по времени побёг.
У него дар такой открылся – всё понимать легко всегда,
Он этому и не учился, ему доступна истина.
Перемещался он вперёд, и для себя момент извлёк –
Что он, пройдя миллион лет, подрос всего на сантиметр,
Так как не больше, чем на месяц задерживался он в году,
В который он перемещался и многому там научался.
Но он не мучался учением – всё схватывал без промедленья,
Его учить не нужно было, а лишь практиковать, что было.
Как только он переместится и в коллективе очутится –
Он сразу их «язык» ловил и понимал, и говорил.
А когда делал, что они – то его практика, пойми.
Когда он ею удовлетворялся, тогда – оттуда он «снимался» –
И попадал в другой уж век, наш уникальный человек.
Он имя сам себе забрал, когда в философа «вникал».
Ведь философ Эпикур ему говорил о спокойствии души,
А ему именно этого и не хватало,
Потому что его душа постоянно его стегала.
Вот, он много поведал, многое уже понял,
Но всегда перемещался и не останавливался.
В 21-ый век попал, в армии оказался,
И солдатом сразу стал, быстро раздулся:
Выучил язык 21-ого века, и понимал каждого человека.
А затем – исчез, опять, ушёл в будущее веков на 25-ть.
Там прогресс летел, не шёл, Эпикур туда вошёл.
И в компанию он, вновь, легко втёрся, «с головой».
Понял быстренько он всех, это был его успех.
Он профессоров послушал, повидал весь результат,
Ну, и сам он научился микросхемы изготавливать,
Делать роботов таких, что от людей не отличишь,
Ещё много чего он попробовал ужо.
И опять его душа поспешила в далека,
Вместе с телом и с сознанием оказалась в солнце-ванне:
Там Земля огнём пылала, это было не начало,
Эпикур Землю понял, что народ её достал.

Там уж не было людей, но он в огне то не сгорел,
Автоматически он вновь всё дальше в будущее поплёр.
Но он с планеты не бежал, на ней по космосу он мчал.
Когда планета уж была без кислорода, не беда,
Эпикур так приловчился, что везде, где очутится,
Приспосабливал себя автоматически всегда,
И мозги и организм, и это не был уж сюрприз.

0.2.11. Поэма «Черепаша-красавица».

В 21-ом нашем веке жили сыновья – человеки,
Был у них один отец, у него большой конец.
Он резвился с ними долго, пока был он мóлодец,
Но когда он заболел, то подумал: «Всё кабздец».
Он собрал свою семью, вспомнил молодость свою,
А затем достал с подвала кучу смертного металла –
Каждому дал в руки ствол и сказал: «Ты будь готов,
Подстрелить любого зверя, только чтобы я поверил,
И кто в зверя попадёт, тот его пусть принесёт.
Чья охота лучшей будет – от меня тот приз добудет».

Старший сын взял СВД, Средний хапанул АК,
Ну а младший сын Валера взял рогатку на слона.
Вот вернулись те домой показать отцу «улов».
Старший сан сбил фазана, птица редкая была,
Средний сын прям в зоопарке крокодил гроханул,
А затем, как все уснули, эту тушу умыкнул.
А Валера, младший сын долго по лугу ходил,
Не любил он города, а природу и себя.
Он увидел на траве черепаху вдалеке.
Но стрелять в неё не стал, только к ней он побежал.
Смотрит ей прямо в глаза: «Убивать тебя нельзя,
Я зверей очень люблю и тебя я не убью.
Только я прошу тебя, притворись потом слегка,
Тебя бати покажу, и на землю положу.
Ты не двигай головой и любой своей ногой,
А когда все забухают – ты иди к себе домой».

Черепашу он поднял и к себе её прижал,
В рюкзачок свой положил и домой он поспешил.
Вот принёс её домой, положил, прям под ногой,
И сказал младшенький сын: «Я её рогаткой сбил».
Батя добычу всю сравнил и с ответом поспешил:

– Фазан – класс, но крокодил – без ружья не уловим.

Да и жить начал давно – 190 миллионов лет уже прошло.
Ну а предки черепахи – старше всех из этой «браги»,
Прошло 200 миллионов лет, но не остыл ещё их «след».
Она всех пережила, я хочу, чтоб род моя
Тоже всех чтоб пережил и потомством наследил.
Да и панцирь у неё крепкий, нужный, да ещё
Краской разной отражает, радугу напоминает.
Это значит, что младшой получает приз большой –

Замок мой со всем прихватом: с самолётом, автоматом,
Да ещё крутой рюкзак, ты Валера – не дурак.
Ну, а среднему дам фирму, управлял, чтоб ею он,
Ну, а старшему машину и кораблик надувной.

Вот устроили гулянку «За охоту», в общем – пьянку.
А черепаха сразу в миг поспешила прям до них.
А Валера увидал, к черепахе подбежал,
И сказал ей вопрошая: «Ты зачем ползёшь..., такая,
На гулянку, ты глухая? Я тебе уж повторяю.
Уходи быстреей домой, пока батя мой родной
Не понял, что ты живая, а то мне камбздец, родная».
Тут отец вдруг подошёл: «Что ты делаешь, сын мой?
Черепаху отнеси к поварам, там посмотри,
С крокодила и с фазана уже делают мясца,
И её пусть приготовят, как диету, для меня».

– Я? Отец, тут черепаха завонялась аж в два маха,
Я её давно ведь нёс, очень пахнет, как навоз.

Резко выхватил бокал – вылил на неё, шакал,
И сказал в ответ на взгляд: «Много дней уже подряд
Сильно уж она воняла, запах собью я для начала,
А затем я отнесу и её похороню,
А на кухню уж она не подходит не хрена»,

Батя пьяно улыбнулся, с сыном быстро похмельнулся,
И пошёл он жрать мясцо и фазаново яйцо.

Валера начал продолжать черепахе речь свою толкать,
Но сразу в миг остановился, когда услышал, удивился –
Черепаха, вдруг сама, облизавши коньяка,
Начала на языке человеческом, вообще,
Говорить свою-то мысль, намекая, мол, заткнись:

– Не, домой не поползу, я с тобою жить хочу,
Здесь уютно и жратвы очень много, ты пойми,
Ты, ведь, у меня в долгу, да к тому же я могу...

Черепаха замолчала, в пазухе ведь оказалась,
Он её быстрее схватил, к себе в дом он поспешил.
Когда прибежал к себе, то достал тогда ее.
И спросил: «Я как тебя понимать стал, слышишь, а?»

– Это ваш крутой коньяк повлиял, смотри-то как,
Я не только говорить, а могу любовь дарить.

Резко панцирь распахнулся, аж Валерка наш споткнулся.
Как он голову поднял, то – девицу увидал,
Что не в сказки описать, ни словами рассказать.
В общем – вся красива очень, и такая, что нет мочи,
Просто на неё смотреть, хочется лишь овладеть.
И Валерка не болван, очень умный не хулиган,
Хоть и был он не красив, и застенчив, и стеснив,
Резко девицу обнял, грудь её к себе прижал,
Ведь она была гола, сразу в миг ему дала...

После жаркой целой ночи, утром все уснули молча,
Но Валера чуть дыша, панцирь стырил, не спеша.
И пополз к себе в сарай, и разбил он панцирь, знай,

Так разбил, что от него не осталось ни чего,
Кроме маленьких осколков, раскидал он их, и всё.
Сам приполз назад в постель, и заснул, и захрапел.
Днём услышал он: «Подъём, офигел, ты дорогой?
Где ты панцирь мой запрятал». И давай она его матом...
А Валерка – на мороз – «200 градусов в завоз»,
Мол – не знаю ни хрена, спал с тобой прямо с утра.
Тут она вмиг разозлилась, быстренько опохмелилась,
И превратилась вмиг она в маленькую, как была,
Только вот без панциря, вот такая вот беда.

– Если панцирь принесёшь, я прощу тебя, молодёжь,
Ну, а если его нету, то – умру я до рассвета.
Ведь без панциря моя жизнь закончится, свинья,
Так как нету, видишь, шкуры, а лишь – рана, вот ты жулик.

Валерка стал вмиг горевать, стал думать, как его собрать,
Пошёл в сарай, стал собирать, а затем клеить панцирь, глядь.
Он пять часов возился с ним, и пылесосом он ловил,
Как пазлы, он его собрал, и черепахе передал.
Тут черепаха ужаснулась: «Что за фигня, где я споткнулась?
Что ты принёс, как я теперь выглядеть буду, сука, зверь.

Валерий ей во всём признался и даже в том, что облажался,
Просил её, его простить и от него не уходить.
Она, подумав, согласилась и на него совсем не злилась,
Но только словом обречла, что будет ему она жена,
А если вдруг он перехочет – тогда придёт ему хана.
Валера радостно кивнул и сразу на неё взглянул.

Померив панцирь, сбросив вновь, увидел он свою любовь –
Она была совсем другая: вся не красивая такая,
Висела грудь, росли усы, от неё запахи дурные шли.
Но он, поймав измену вмиг, стал сразу очень-очень тих.
От папика он замок взял и ту девицу замуж взял,
И жил он с нею поживал, но радости он с ней не знал,
Боялся бросить он её, ведь проклила она его,
Боялся, что придёт камбздец, как и к его отцу – конец.

0.2.12. «Оборотни».

Всем известно, это не секрет,
Что в милиции честных людей нет.
Взятки все не просто берут,
А вымогают и всегда требуют.
Люди идут работать туда
Не для того, чтоб порядок был всегда,
А для того чтоб карман свой набить,
Пользуясь должностью бабла чтоб «срубить».
Тех, кто виновен, они не сажают,
Так как за это негодяи башляют,
А чтобы дело в милиции закрыть –
Сажают не виновного, кому нечем заплатить.

Гражданин Зэт – добрый и честный,
Работать в милицию он не пошёл,

Но на себе он это почувствовал,
Еле-еле он в обществе место нашёл.
Три раза права его ущемляли –
Нападением и воровством,
Милицию он вызывал, чтоб Вы знали,
Но взятками бандит от закона ушёл.
Зэт это понял и разозлился,
Только что делать, тогда он не знал.
Это система, а против системы,
Бороться не сможет, в натуре, он сам.
Людей не исправишь, менты все – сволота,
А если и есть справедливый где мент,
То это лишь редко, один на сто тысяч,
Вот это и факт вам и аргумент.
Купил Зэт взрывчатки дорогой, ну, и много,
Он долго бабло на вот это копил,
Устроил он тусу для всей милиции,
И всех истребить он, справедливый, решил.
Зэт размышлял очень долго и думал,
Как всех милиционеров в государстве собрать,
И вот наконец-то Зэт наш придумал:
Бабло всем ментам он стал обещать.
Зэт предложил сейшем устроить
На День Милиции и всех пригласить,
И каждому, кто на нём будет,
По добавочной зарплате получить.
Всё делал он через Интернет,
Представился одним олигархом,
И в Киев приехали менты
Со всех областей государства.
Взрывчатку Зэт разложил,
Чтоб всех, кто пришёл, зацепило,
И чтоб ни кто не ушёл,
«Оборотней» убить нужно было.
Вот все собрались, и время пришло,
На сцене зажглись фонари,
Зэт кнопки нажал и по телеку увидал,
Как менты взорвались, скоты.
А кто был не взяточник, тот и не клюнул,
Остался работать внутри.
Их мало осталось, но они обрадовались,
Что милиция стала «цвести».
Честные стали начальниками сразу
И стали людей набирать,
И только честных они набирали,
Кто карман не станет набирать,
Кто будет идти служить государству
Лишь ради порядка в стране,
А чтоб дело не дошло вновь до взяток,
Им выдали кое-что всем.

Вот это вот кое-что сделал профессор
И всем он его на руку надел,
Прибор так работал, что если возьмёт кто,
То сразу узнают, чего кто хотел.
Когда мент снимает, иль взятку берёт,
Прибор сообщает в генштаб автоматом,
И об этом транслируют по телевиденью,
Специальные люди дежурят всегда там.
И вот наконец-то порядок настал,
Бандитам с милицией не договориться,
А то, что когда быс Хаус у нас,
Кто помнит – тому будет сниться.

0.2.13. «Эволюция».

Две версии есть о возникновенье людей,
И среди них много различных идей.
Одна версия это Библейская,
А вторая – эволюция – версия житейская.
По первой – Вселенную создал лишь Бог,
Да и то за шесть дней, дольше не мог.
Произошло это всего семь тысяч лет назад,
Вот такой вот на всю историю у верующих взгляд.
По эволюции – всё постепенно,
Для других людей этот взгляд современной.
А у меня доказательство есть
Этого взгляда, против дней шесть.
Во-первых, сравнение здесь с человеком,
Его появлением из соединений,
Ростом в утробе и измененьям,
А также всей жизни и разъединеньем.
Сперматозоид проник в яйцеклетку –
Комета проникла в материю планетки.
Становясь зародышем, пошло изменение –
Химически реакции произошли в планете.
Как только комета попала в планету,
Появились у ней оболочки вот эти:
Стратосфера, атмосфера и остальные,
Для защиты от других комет, они вот такие.
У зародыша появляются из него же другие клетки –
У планеты появляются другие химические элементы.
Через два месяца – зародыш становится плодом,
Появляются по очереди органы с ростом и кодом. –
Из химических соединений у нашей планеты
Появляются семена, а затем их «дети»,
А затем, после растений рыбы и животные,
Как у плода человека органы природные.
Внутренние органы – воды, литосфера,
Внешние все органы – наша биосфера.
Человек рождается – люди появляются,
Так как у ребёнка сознание появляется.

Душа входит в это новое тело –
У планеты появляется уровень «канители» –
Жизненный поток энергии планеты
Расходится по людям и становится душами этими.
Сознание развивается – люди прогрессируют,
Ребёнок матюгается – люди деградируют.
Подросток на эмоциях – люди издеваются
Над своей планетой, прогрессом надрываются.
Взрослый человек – взрослая планета,
В людях не нуждается, как человек в советах.
Скоро всех она накроет, скоро всех истребит,
А затем состарится – и море испарит.
Умирает человек – планета разгорается,
И ядро у неё тут же накаляется.
Душа тело покидает – ядро вырывается,
Звездой становится, материя сгорает вся.
Душа дальше по своим каналам движется –
Это звезда разгорается, увеличивается.
Это всё – сравнения эволюции движения,
Вот такое вот моё простое рассуждение.

0.2.14. «Абсурд прогресса».

Камнями придумали люди бросаться,
Но друг в друга они затем начали кидаться,
Затем: топоры, копья и стрелы,
Не только для охоты, а для войны и в метели.
Оружия разные прогрессом создавались,
Из-за этого люди очень много пострадались.
Винтовки, гранаты, бомбы и мины,
Медицинские препараты, всё ради наживы.
Всё ухищрённей становился народ,
Когда создавал химический завод.
Теперь в магазинах продукты-гибриды,
А также глютоматы, это очень обидно.
Транспорты разные всё новые изобретают,
И от каждого транспорта люди погибают:
Разбился самолёт, взорвалась электричка,
Затонул пароход, ведь загорелась спичка.
Медицина, в натуре, людей не лечит,
А только таблетками и врачами калечит.
Травы людям уж не помогают –
Экологию люди сильно заражают.
Система власти, вообще, абсурдна,
Ведь законы не действуют в выходные и в будни.
Так как власть сама их и нарушает,
За денежные взятки людям судьбы ломает.
Вред на уровнях всех от прогресса наступает,
Даже там, где его совсем не ожидают:
От уюта, комфорта, всех приборов в доме,

Электромагнитные волны излучаются вскоре.
Кора головного мозга и два полушария
Наносят вред на земном шаре, да.
Все люди знаменитые на этой планете
Достойны наказания, конечно, за это.
Из-за компьютеров тоже страдают,
Виртуальная жизнь реальную заменяет,
Морально люди сходят сума,
Ведь очень у них страдает голова.
Вот люди-индиго уже получают
И ими другие все удивляются.
Но только побочный эффект настанет,
И на расстоянии они всех достанут.
Интеллектуальный прогресс тоже убивает,
Он от природы людей отдаляет.
Духовный прогресс до конфликтов доходит –
Из-за религий много жертв, ведь, находят.
От объектов прогресса люди страдают,
Потому что от каждого много погибают,
Прогресс не предусмотрен природой планеты,
А значит, и люди не возникли на этой.
Это означает, что люди не отсюда,
А с другой планеты прилетели «на блюде».
Их планета, скорее, погибала наверно,
Прогрессом довели они её, скверно.
Гении прогресс развивают,
То, что вредят – они не понимают.
Нечего ими гордиться,
А им нужно – остановиться.
Остановите прогресс,
Затем – начните регресс,
Пройдите хотя бы семь тысяч лет назад,
Спасите планету, ну, и свой «зад».

0.2.15. «Три планеты».

На одной планете женщины живут,
И к ним не пускают мужчин прямо тут.
Лишь только они могут летать туда,
В планету роддома и там рожать всегда.
А на второй планете мужчины живут,
Им хорошо, пока они взрослыми стают.
А на третью летают для удовлетворенья,
Ну, и конечно для оплодотворенья.
На третьей планете, временно, живут только те,
Кто охраняет планету везде,
За соблюдениями законов правительство следит,
И кто где не прав, всегда говорит.
Команда правительства: сто человек, они новых себе берут,
Когда другие на пенсию уже идут.

Из разных планет они выбирают,
А попасть туда многие желают.
На этой, главной, третьей, планете,
Люди случаются, кто желает вот это.
Они там знакомятся, время проводят,
А после родов, мосты все разводят.
На планету мужчины, отцы сыновей забирают,
Когда тем аж год уже наступает.
А дочек всех мамы с собою увозят,
И на планету женщин привозят.
А главная планета – планета свиданий,
И взрослых друг с другом, и для мечтаний;
А также для свидания матерей с сыновьями,
Ну, и конечно, отцов с дочерями.
Свидания строго по сроку даются:
Один месяц в год для детей выдаются.
С детьми они месяц проводят всегда,
Когда все втроём, а когда – и лишь два.
Для взрослых – неделю в квартал, а когда уж залетят,
То на два года остаются и ребёнка вместе кормят.
Затем на свою планету каждый отправляется,
Он там живёт и своим делом занимается.
Но эти привилегии только для того,
Кто закон не нарушает, ни какой всегда, и всё.
На планете свиданий, а также у себя,
Ведёт себя законно, не нарушает не фига.
А тот, кто нарушает, то в соответствии с законом,
Свиданий он лишается по своей статье закона.
Но это не случается почти что никогда,
Ведь каждому свидание необходимо, да!
Порядок везде и система сильна,
И чтоб нарушений не было никогда,
Специальные сенсоры на космодроме стоят,
И через компьютеры специалисты следят.
За проникновение на чужую планету –
Казнь назначается, смертью, за это.
А жить все хотят и с ума ни кто не сходит,
Так как психику друг друга, пола не беспокоят.
Мужики с сыновьями дома вместе проживают,
Отцы их всему учат, чего самих вставляет.
А дочки с матерями на другой планете,
Тоже живут вместе и учат все ответы.
Такое решение приняли давно,
Когда люди стали жить на трёх планетах, ого.
С моралью и психикой были проблемы,
Так как женщины с мужчинами полностью дурели.
А когда всех разделили и порядок навели,
То со временем, плюсы в этом огромные нашли.
Беса гнать все перестали, истерить, и нарушать,
Ведь друг друга захотели всё сильнее, аж раз, в пять.

Вот теперь, конечно, нужно, прогресс очень повышать,
Чтобы было побыстрее до главной планеты долетать.
И поэтому мужчины все работают во всю,
А на другой планете женщины тоже тянут лямку во всю.
Люди строят корабли, их усовершенствуют,
Экологически чистые корабли уж шествуют.
Добывают топливо, тоже чтоб не вредное,
И живут все, каждый, далеко, не бедно, да!
Все другие отрасли тоже восстановились,
И до нормы, до своей, уже давно продлились:
Овощи и фрукты только натуральные,
И лекарства все везде стали не абстрактными.
Мораль людей вся поднялась,
И всех сплотила вокруг она нас.
В обмане потребность исчезла давно,
А уваженье у всех возросло.
Но контроль властями, всё равно, продолжается,
Чтоб мысли не послаблять, система вращается.
И революции не начинаются ни чуть-чуть,
Так люди понимают всю глубокую суть:
Если только попустить и систему поменять,
Свиданья дольше разрешить, или все запреты снять,
То вновь начнётся чёрти что, взрослые станут вместе жить –
И тем самым, постоянно друг другу нервы теревить.
А затем пойдёт разлад всей большой системы,
Ни кому не нужны эти конители.
Люди хотят все в добре вот таком вот жить,
Все границу понимают, что не нужно «тормозить».
Над каждой планетой спутники «висят»,
И начальство каждой через них следят.
Чтоб на каждую планету чужие не летали,
Чтоб сума не сходили и закон не нарушали.
Ну, а за личной жизнью каждой семьи,
Конечно, не следят, и это правильно, пойми.
Ведь в ограничениях тоже граница быть должна,
Чтобы люди свободными себя чувствовали всегда.
В правительстве кто был, тот тоже не исключался,
И с родственниками своими по закону он встречался,
Они к нему прилетали только по законному сроку,
И исключений не было, чтоб от системы было проку.
На главной планете ничего не строили,
Ни чего не добывали, люди её не беспокоили.
И только потому, что здесь лишь встречались,
И встречами своими все наслаждались:
Знакомились, плодились, рожали, кормили,
Встречались, гуляли, общались, дружили.
Знакомиться с разными могли каждый раз,
Чтобы получить отличный экстаз.
Выбор у каждого был только свой,
Каждый раз встречаться ты можешь с другой.

Браков здесь нет, зачем людям брак,
Раньше был каждый в браке, и он был дурак.
А сейчас кто с кем хочет, с тем и встречается,
И это изменой совсем не называется.
А если вдруг любовь не взаимная получается,
Таким людям обязательная встреча назначается.
Братья с сёстрами тоже встречаются,
Знают друг друга, родственниками считаются.
Они понимают, что родственникам
Нельзя совокупляться ни где, и там.
А весь обслуживающий персонал,
Тоже раз в месяц на главной планете работал:
Люди из власти, врачи, повара,
Разные техники космического корабля.
Тот, кто работал раз в месяц на главной,
Тот имел тоже такое же право –
В квартал один раз сюда прилетать,
И с тем, с кем хочешь всё время гулять.
А месяц работы считался – работой,
Чтоб людям работать здесь было охота.
Ведь после работы они могли развлекаться
И полом противоположным всегда наслаждаться.
Когда кто беременел, то чтобы остаться,
Она и мужик должен зарегистрироваться.
И если от него беременела другая,
То он в срок улета́л, побывку не продлевая.
А другая сама тогда оставалась,
Рожала, кормила, ну или влюблялась.
Но право детей видеть отца
Не улетучивались никогда.
Ну, в общем, учёт строгий был без обмана,
А отец ребёнка – то проблемы его мамы.
По генам отца определяли,
И если был сын, то ему отдавали.
Он ехал за сыном и забирал,
Даже если он его не желал.
Ни мать, ни отец отказаться не мог
От своих детей, и это был не подвох.
Это буква закона и её соблюдали,
И почти никогда не нарушали,
Потому что, во-первых, мораль не позволяла,
А во-вторых, наказание – смерть назначалась.
Когда половой зрелости человек достигал,
То он одного товарища назначал,
Который, в случае смерти его,
Будет опекуном детей друга своего.
А тот в свою очередь, его назначал,
И документы такие составлял.
Но если у ребёнка старший брат был,
То в начале опекуном он должен быть.

Так люди уже сто лет развлекались,
Одну неделю в квартал друг с другом встречались.
Алкоголь был в запрете и наркотики все,
Их не употребляли в натуре везде.
Экстремальные виды занятием спорта
Все разрешались, но только не аборт.
За них и за все криминальные преступления
Смерть назначалась такое веленье.
Ну, а за мелкие, просто, ошибки
Лишали свиданий, и это не пытка.
Ведь нужно порядок среди людей держать,
Чтобы сами же люди не начали гнать.
При графе Дракуле был строгий порядок,
И это пример всем поколениям в подарок.
Ведь если людей совсем не сдержат,
То можно порок большой увидеть.
А так, всё нормально, и люди старались,
Учились, работали и насаждались.
От учёбы ни что их не отвлекало,
И поэтому они очень точно всё знали.
Работу каждому предоставляли
По хобби его, к чему душа лежала.
Кто с детства к электронике высшей стремился,
А кто и стих писать научился;
Одни пилотами были корабля,
Другие поваром в столовой работали всегда,
Третьи – фрукты, овощи выращивали
Ну а четвёртые – животных отращивали.
Кто сельским хозяйством любил заниматься,
Тот сам делал вспашку и сам со всем махался.
Но это было вовсе не трудно, благодаря прогрессу,
Ведь машины программировались, и не было стресса.
Женщины прилетали на Свиданья тогда,
Когда менструация у них уже прошла,
Когда яйцеклетки готовы к оплодотворению,
Об этом сообщалось мужскому населению.
По факсу космическому информации доходили,
И мужчины летели, вот так вот все жили.
Планеты в галактиках разных находились,
Но полёт рассчитывали, и все вовремя приземлились.
Планета свиданий это планета Земля,
Планета мужчин в галактике – Магеллановы облака,
А галактика, в которой женщин планета –
Туманность Андромеды называется за это.
Время отсчитывали по Земным меркам,
Ведь разные были на трёх планетах мерки:
Светимость, погода, и температура,
А также природное богатство, и календарная структура.
Все движенья космических кораблей
Контролировались через гипер спутники всё сильнее.

На каждой планете компьютеры сами
Автоматически корабли проверяли.
И если когда, вдруг, нарушение –
То сразу – сигнал, на всё поколение.
Но это всего 10-ть раз случилось
За все сто лет у людей получалось.
Но за это смерть им назначалась
Привселюдно на планете, и получалась.
Все это видали и понимали,
И нарушать закон не желали.
Для свиданий раз в квартал с полом противоположным
Разрешение с пятнадцати лет было положено.
И парни тогда уже очень хотели,
Но не онанировали а строго терпели.
Об этом их учили их же отцы,
И медитировать их учили они,
Как можно в руках себя сильно держать,
Для того чтоб затем можно кайф получать.
Всему основному всех детей родители учили,
А когда ребёнок определялся уже в своём мире –
Кем он хочет стать, какое его призвание,
То в институт он поступал для образования.
Возраст минимальный лишь имел значение –
До пятнадцати лет было ограничение.
А если тебе пятнадцать давно,
Но ты не определился с собою ещё,
Тогда можешь дальше родителю помогать,
Его работай заниматься и продолжать себя искать.
Ну, а когда себя найдёшь,
То обучаться специальности своей выбранной пойдёшь.
Когда мужчина с женщиной уже проживал
Во время беременности, закон разрешал,
К тому же каждый об этом мечтал,
И только этого сильно желал,
Тогда друг друга сильнее они узнавали,
И недостатки друг друга замечали.
Не нравилось всегда что-то каждому в партнёре,
И были очень разные за этот период разговоры.
Почти аж два года вместе проживали,
И иногда друг другу надоедали,
Поэтому все они понимали
Правильность системы, и её уважали.
Затем, улетев, друг за другом скучали,
И факсы космические раз в месяц отсылали.
Факсы те были в формате голограммы,
Чтобы родные порадовались сами.
Генный код опознать прогресс позволял,
Поэтому через компьютер специалист узнавал,
От кого имени женщина забеременела,
И чьё родится у неё дитя.

Женщины, когда на Землю прилетали,
То по полной программе с мужиками зависали:
Кто разных хотел, тот совокуплялся,
И совокуплением за неделю наслаждался.
А кто одного хотела, та тогда
С одним мужиком неделю была,
Если тот мужик другую не хотел,
Попадались и такие, он на неё только «глядел».
А в основном, мужики отрывались,
С разными женщинами сексом занимались.
Неделю «любили», остальное время держались,
А сами друг в друга никогда не влюблялись.
Внутри каждой планеты едины были все,
Разделений не было на страны, вообще.
Кто в какой отросли делами занимался,
Тот тем по жизни всегда увлекался.
Почти коммунизм был на планетах,
Каждый вносил свою лепту за это.
Но это не значит, что все напрягались,
Так как машины с компьютера все управлялись.
Прогресс продвигался, на месте не стоял,
И много облегчений людям доставлял.
Изобретатели и профессора
Всё больше добавляли до прогресса всегда.
На планете женщин, женщина с дитём,
По своей специальности работала днём,
Но только тогда когда время позволяло,
Так как ребёнку очень много внимание уделяла.
А когда дочка уже подрастала,
То мать потихоньку её приучала
К тому, чем всю жизнь сама занималась,
Ну, а дочка потихоньку и своим увлекалась.
Разные компании тоже везде были,
Там где люди вместе с разных семей были,
По общей специальности, если было необходимо,
Например, в добывании космической пыли.
За пределами планеты тоже много все шатались,
Но маршруты лишь с Земли им в назначениях посылались,
Чтоб женщины с мужчинами не встретились вне закона,
И систему тем, чтоб не нарушили, всё было по шаблону.

0.2.16. «Русский Богатырь Илья».

Я – русский богатырь, ехал на коне,
И вдруг передо мной на поле вдалеке,
Космический корабль большой оказался,
Я к нему прискакал и не забоялся.
Кошей бессмертный – капитан корабля,
Меня впустил к себе сразу туда.
И чтоб его я не доставал,
Он девку мне одну подогнал.

Я в комнату зашёл девку забирать,
А рядом принцесса с ней посмела лежать.
Я быстро взял принцессу, а ту лежать заставил,
Принцессу выводил я, конечно же без правил.
А там ещё лежали избитые мужи,
Я глазом их «спалил», их было где-то три.
С Принцессой я пошёл, чтоб ни кто нас не заметил,
А что беременной та была, я лишь потом приметил.
И сразу мне секса сильно захотелось,
Но принцессу «влюблять» – спряталась смелость.
Я принцессу оставил, сказал: «Подожди,
Я здесь всё проверю, чтоб нас Кощей не спалил».
Я метнулся назад, застал в кровати деваху,
Из одежды на ней была одна лишь рубаха.
Я рубаху задрал, вошёл быстрее в неё,
А она молчала, и лишь стонала легко.
Я там побыл всего минуту, высунул, выше подлез,
В ротик быстро её засунул я свой «маленький обрез».
Она в рот мигом взяла, ну, и принялась работать,
Что я сразу стал сливать, всё текло прямо ей в ротик.
У меня очень сильная эрекция была,
И от такой новизны она меня довела
До очень, огромного, сильно оргазма,
Что девица не успевала глотать моё «масло».
Я залил ей рот, лицо, и всю грудь,
Мой «обрез» ещё стоял, был готовый дальше в путь.
Я девицу повернул и «раком поставил» –
И засунул ей в попу, и рубаху поправил,
Чтоб она не мешала, и с ним в попу не лезла,
Я увлёкся сильно так, что мне чуть горло не перерезали.
На меня запрыгнул резко один, рядом лежавший,
Я его локтем пнул, что он ушёл, сам, задыхавшись.
Сразу начали другие потихоньку просыпаться,
Я их лбом об их кровати, пускай дальше валяются.
Не доделав своё дело, я ширинку застегнул,
И забрав с собой подругу, до принцессы упорхнул.
Та лежала на полу, спрятавшись прям в уголку,
Я её забрал с собой, и к выходу двоих повёл.
Когда мы туда пришли – было три там головы –
Змей Горыныч охранял, кто был я – меня узнал:
«Ты куда идёшь Илья? Здесь ты гость, иди туда,
Кашей велел не выпускать, он хотел с тобой сыграть».
«Да, конечно», – понт включив, я Горыныча затмил:
«Мы уже играем с ним, ты сюда вот погляди,
У меня три головы, я надеюсь, видишь ты».
Показал ему я баб, рядом их к себе прижав.
У тебя вон, точно так, а Кощей – уже дурак,
Он в натуре проиграл, выпускай меня, давай.
Змей тут начал собираться, головами напрягаться,
Чтоб подумать, что решить, чтоб мышление завершить.

Одна голова сказала: «Где тогда твоя хвостяра?»,
А другая говорит: «Он Кощея победит»,
Третья к ним всем повернулась – на общенье замахнулась,
Стала что-то им втирать, ну, а я стал ковылять –
Потихонечку я шёл, на двери я комп нашёл,
Кнопку выхода нажал и пространство увидел.
Дверь открылась прямо вниз, ну, а там стоял сюрприз –
Верный конь меня там ждал, никуда не ускакал.
Я девиц туда спихнул, потихоньку ускользнул.
Как запрыгнул на коня, то умчался в далека.
А корабль всё стоял, за мной ни кто не побежал.
Я скакал три долгих дня, в мыло загонял коня.
Наконец-то я с полей в лес заехал поскорей,
Чтоб меня корабль крутой не нашёл ночью и днём.
Как заехал, то упал, захрапел и застонал,
А когда уже проснулся – в другом мире я очнулся:
Спал я дома у себя на кровати, вот те да.
И конечно, стал Романом, а не богатырь Илья.
Что с беременной принцессой и с её служанкой той,
Было дальше – я не знаю, но скучаю напостой.
Жаба душит, что не взял – принцессу я не «отвлюблял»,
Вот бы был тогда разврат – секс втроём, я был бы рад.
Может быть, её Кощей обрюхатил, эге-гей,
Этого я не узнаю, вот заснуть бы поскорей.
Вдруг я попаду туда – в продолжение для себя,
Где я вовсе не Роман, а русский Богатырь – Илья.

0.2.17. «Два маленьких гномика».

Залезли с другом старьё мы разбирать,
В игрушках мы копались, им было лет по 25-ть.
Нашли мы два маленьких гномика, а лица, как у нас.
Мы к ним только дотронулись – они включились сейчас.
С игрушками мы теми у друга здесь сидим.
А тут его сестра заходит, давай, мол, поглядим.
За нею два пацанчика с гитарой и с вином,
Давай, мол, вашим гномам вина тоже нальём.
А мы от них ушли, нас гномы повели.
Они с нами базарили мысленно, пойми –
Они телепатически слова передавали,
И смысл очень, тайный они нам раскрывали.
«Чего лазим здесь в развалинах? Что можем здесь найти?».
Но вот к тайному входу они нас привели.
Под землю по болотам, по веткам мы пошли.
И зашли в какой-то бункер, и клад мы там нашли.
Там было много комнат, а в них всего полно,
Но только вот нельзя было совсем открыть окно.
Ведь не было окна, но там была еда,
К тому же не пропавшая совсем она была.
Там много очень полок: там много колбасы,
Печенья и конфет много увидели вдруг мы;

И детские игрушки, и автоматы тоже –
Оружие лежит, с которого убить можно.
Ну, в общем, очень много запасов разных есть,
На нычку можно здесь «висеть» и очень долго есть.
Затем нам наши гномы показали рычаги,
Которые откроешь и – хоть куда ходи.
Проходы в разные здания мы научились открывать,
И куда мы захотели – мы научились проникать.
И вот в одну общагу, проникли мы тайком,
И привели с собой толпу, устроив трахадом.
Мы «тёлок» разводили, поили и кормили,
Но вот вдруг информацию они вне просочили.
Вот кто-то позавидовал, нажиться захотел,
Ментам нас сдал скотина, и далеко свалил.
Мой гном это заметил и мне их показал,
Его, я взяв, с собою, быстрее к другу побежал.
Меня сначала мент хотел на взятку развести,
Мол, поднасыпь в мешочек, что есть у вас внутри.
А я мороз включил и к другу прикатил.
«Что это за баран?», – он у меня спросил,
А я ему в ответ: «Ведь это гномик мой».
«Спалил» нас уже мент. А где есть гномик твой?».
Я что-то заподозрил. Почему друг мой тормозит.
Что он мне сейчас ответит, давай-ка поглядим.
Пока я дожидался ответа, от него,
Весь мир вот этот скрылся конкретно на все сто.
Исчезли в миг девицы, склады и гномики,
Затем резко исчезли за ними даже мы. –
Мгновенно я проснулся и понял, что опять
Во сне я был своим лишь только минут пять.
Но жаба задушила и вновь тоска взяла,
Что нету рядом гнома, а только один я.

0.2.18. «Игра для начинающих».

Предисловие.

Мне постоянно во сне передают символами заказы о написании различных произведений. С какой-то другой точки Вселенной благодаря какому-то способу передачи информации, мне посылают информацию в подсознание. Сознания людей не настроены на приём информации извне. Поэтому – подсознание получает определённую информацию. А моё сознание, находясь в состоянии сна, пытается запомнить информацию, которую принимает сознание. Но для него это очень сложно. Поэтому сознание, то есть я, пытаюсь запомнить основные символы этого сновидения, и затем записываю их, развив и расширив тему, придерживаясь содержания смыслов моего сновидения. Моё подсознание специально настраивает меня на то, чтобы я употреблял алкоголь, так как при действии алкоголя, сознание более открыто на приём информации.

На этот раз, в нынешних сновидениях, я сначала, в одном уровне, участвовал в увлекательнейших событиях. А затем, якобы проснувшись – в другом уровне, который выше (сон во сне), я оказался в школе. Отучившись в ней ме-

сяц на какую-то определённую специальность, я пришёл сдавать экзамены. Мы изучали около 7-ми предметов. Придя на экзамен, я считал, что я помню содержания смыслов всех предметов, но каждого в разной степени, один предмет я знал лучше всех остальных. Пока подойдёт моя очередь, я ждал очень долго, аж до вечера, придя утром. Затем услышал и увидел как директор этого заведения, он же директор экзаменационной комиссии, ответил на звонок по мобильному телефону. И я так подумал, что звонит моя мама, спрашивая и говоря обо мне. На что директор ей ответил, чтоб она не переживала, что я по любому сдам экзамен. Мне не понравилась такая ситуация, что моя матушка не уверена во мне. Когда я пришёл сдавать экзамен к преподавательнице женщине, она начала мне объяснять, в чём заключается смысл сдачи экзамена. Она мне говорила, что нужно написать рассказ на 600-от страниц. Я огорчился, ведь думал, что всё будет проще – часок буду отвечать на вопросы, и всё. Она начала говорить, что в этом задании нет ни чего сложного, для того чтоб я не передумал вообще сдавать экзамены. Женщина стала мне показывать перечень какой-то информации (выбор темы, выбор имён, о ком можно написать рассказ). Сказала, что главное, чтобы это был рассказ и о человеке, и в то же время о событиях, в общем, в виде исторических, которые захватывали б несколько десятков лет по их текущести во времени, имеется виду – время внутри событий этого рассказа. Я начал записывать основное, что нужно для написания рассказа, на листочке. А сам в это время начинал осознавать, что эта женщина какая-то эфемерная, что её здесь нет, что только я, её вижу и слышу, временами она даже исчезала, затем вновь появлялась. Я стал сильнее давить ручку, при записывании, на случай если и паста в ампулке окажется не настоящей, хоть отпечатки самого шарика ампулки останутся на листе. В этот момент у меня стало закрадываться подозрение о том, что это всё не настоящее, то есть – что я нахожусь в сновидении. Я стал писать быстрее, чтоб записать основные термины заказа для рассказа, не думая о том, что когда я проснусь, то у меня не окажется этого листочка. Затем я, поняв и это, начал стараться запомнить слова, термины, имена, которые мне показывала в своём списке учительница, и о которых она говорила. (Из имён я запомнил только одно, в одной из строчки имён – Валтасар). Уже просыпаясь, в полудрёме, я пытался быстро запомнить символы, с предыдущего сновидения, где я принимал участия в увлекательнейших событиях. Повторяя про себя, всё, что со мной происходило, я проснулся окончательно и быстренько записал всё, что успел запомнить. Затем начал пытаться трудиться над заданием. Что из этого получилось – читайте далее.

.....
.....

«Игра для начинающих».

Я очнулся и понял, что у меня амнезия – я ничего не помню
Я чувствовал, что я в чужом месте, что каждый – чужой мне.
Ко мне подсказали 7-ро, предложили поиграть,
Поучаствовать в определённой игре, чтобы мне не воровать.
Чтоб мне было, что поесть, где в тепле сытым поспать,
И так далее, чтоб было – как себя удовлетворять.
Ведь почувствовал я сразу, что я много захотел,
От такого вот сюрприза я конкретно офигел.
Боль почувствовал по телу, кстати сразу и его –
Я вдруг понял, что есть тело сложное, уже моё.
Части этой непонятки все болели, и вообще,

Было очень не удобно держать части во седле.
Я, конечно, согласился, потому что у меня,
Выбора, как оказалось, не хренушечки нема.
Мне всего пообъясняли, научили говорить,
А затем мне рассказали много правил и как быть.
Игра началась тогда, когда все семеро прибыли сюда,
Я ещё не знал, что я прибыл с ними, да ещё – издалека.
Игра закончится тогда, когда все уровни пройду я.
Уровней всего лишь пять, начинаю, я играть.
В каждом уровне по задачи, это точно,
Их выполнение – есть контрольной точкой.
Чтоб в новый уровень перейти,
Контрольную точку нужно найти.
Главный команды, сообщил задание для наших сил:
Разгромить армию одну, стрела назначена в лесу.
Мы на конях, в руках мечи, меня махаться научи.
Вот слышан топот лошадей, пройти бы уровень скорей.
А в небе мутно – вечерело, я меч в руках держал не смело.
И вот начался смертный бой, махал я быстро головой,
Чтобы её мне не снесли, а лошадь ноги всё несли.
Когда я сильно забоялся, тогда уже не обложался,
Я начал защищаться сразу, и протыкал их до отказа.
Часа четыре мы сражались, пока враги не обложались.
Мы всех их, много, замочили, их главаря вздёрнуть решили.
Когда его мы «порешили», то переход осуществили,
И в новый уровень вошли, местность другую мы нашли.
Все в 7-ом переместились, хоть 4-ра там «порешились»,
Но так как мы дошли до точки, они все в миг восстановились.
Так как я выжил в том бою, исполнил миссию свою –
Меня повысили скорей, я стал – «Ведущий отец Диджей».
Задание мы получили, с родной планеты, нас учили –
Телепатически уметь считывать сны, собой владеть,
И на глазах у всех мудреть, в огне не сколько не гореть,
И отыскать одного царя, войти в доверие, шутя,
Затем забрать его богатства и переслать домой – туда.
Попали мы уж в 5-ый век до нашей эры, 7-мь человек.
В Иерусалим проникли мы и вместе со всеми в плен пошли,
Прямо в город Вавилон, затем узнали – это он –
Нас Ариох к Навуходоносору привёл, его я сны вмиг перевёл.
Назвался Даниилом я, а он Валтасаром назвал меня.
Я Валтасаром долго был, царство себе я намутил,
И отослал его домой, где был наверно родной дом.
Отравилось оно само, когда до точки я дошёл,
И вместе со своей командой в третий я уровень зашёл.
Главный команды чин свой сдал – и мне его он передал.
Теперь я стал – главным команды, и руководство в руки взял.
Мне бывший главный объяснил, что за игрой кто-то следил.
Я понял, что с нашей планеты, все видели сюжеты эти.
И пересылка вся была автоматически всегда.
Мне надоело уж играть, везде по долгу воевать,

Грабить людей и убивать – историю здесь создавать.
Я в размышления пустился, ведь мыслить шире научился.
И пока долго я играл, себя с командой задолбал,
И разозлился на того, кто выдумал игру давно.
Решил я вычислить его – плохого автора того,
Когда к нему я доберусь, то с ним конкретно я сражусь.
Но чтобы до него добраться, нужно долго ещё сражаться,
Чтобы все уровни пройти – к концу игры чтоб подойти,
Чтобы домой уже свалить – на родную планету прикатить,
Вернуться в тело, чтоб своё, а то человеческое уже задолбло.
Вот в третьем уровне задание – узнать смысл разочарования,
Добраться до контрольной точки по лабиринту очень срочно.
В 30-ом веке оказались – в мире виртуальном мы шатались.
Бродили долго мы по проходам и по различным очень кодам,
Дорогу вычисляя по картинам, нашли уже прерогативу:
Главный компьютер – вот, открой нам выход, «пароход».
Он мне задал один вопрос: «Куда сейчас ты сам пойдёшь –
Или налево, ну или вправо, от этого зависит всё ж?»
Я начал думать и гадать, как смысл задания понять.
Я посмотрел случайно вниз, там был какой-то вон сервис,
Стоял он прямо аж в стене, я присмотрелся вдалеке.
Он вроде бы как оживал, и чайник носом мне махал.
Махнул налево – я: «Туда?», – спросил, конечно, у себя.
Затем смотрю – опять махает, направо, сука, намекает.
Кивнул я головой направо, мол, маякнул ему я славно.
В ответ и чашка замигала, а сахарница мне сказала,
Передавая мысли мне телепатически уже:
«Того, кого хочешь найти – он у тебя сидит внутри.
Ты вспомни, как сюда попал, зачем в игру ты здесь играл?»
Она свою речь досказала и кошкой чёрной сразу стала.
Меня всего уже трясло, мыслей в башке было полно.
Подкралась мысль ещё одна, конечно, очень издалека,
Что это я создал игру, из-за меня всё, угу-гу.
А если так, зачем я здесь? И тут по стенки лезла весть:
«Узнай смысл разочарования, признай своё сейчас отчаянье».
Компьютеру я отвечал: «Сам не пойду не куда,
Ни влево, ни направо я, пойду с командой до конца,
Скорей всего – во внутрь тебя.
Открылся вход, и мы вошли, все смысл тоже поняли.
А я вот цель свою достиг – в себе я автора настиг.
И понял, что меня сюда отправили в наказание за дела,
Чтоб на себе я ощутил отлив, прилив различных сил.
И память стёрли для того, чтобы не подозревал я ничего.
Теперь игру я доиграю, два уровня ещё пройду.
А вот когда домой вернусь я – игру я эту разобью –
Всю уничтожу навсегда, и память запишу в себя,
Ту, что была, чтобы мне знать, что я – тиран, ... мать,
Что я – диктатор, деспот, гад, и этим я совсем не рад.
Ну, а пока буду играть, конца игры я буду ждать,
Надеясь в то, что всей игры уж больше вовсе не бывать.

0.2.19. «Мелафон».

«Хорошая мысль приходит опосля».

Априот – Кирнасов Роман.

Я в доме у Ани в гостях нахожусь,
В постели со Светой, и этим горжусь.
Её я приметил, затем отвлёблял,
Она улыбалась – сексуальный финал.
У каждой из девушек дочка была,
Ещё там был парень, их общий отец, наверняка.
Я с Аней общаться начал затем,
Чтоб её размутить на секс насовсем.
А она не давала и сказала: «Смотри,
Такая машина, становись ты внутри».
Как кабина душевая машина была,
Там вначале была Света, туда она зашла.
Ну, а Аня прибор овальный держала
И Светины масла, как с мелафона читала.
Она захотела мои мысли прочитать,
Чтоб полностью, какой есть я, меня чтоб узнать.
А я забоялся и застеснялся,
Ведь с мыслями своими я не удержался –
Не мог контролировать я мысли свои,
Они меня, напрочь, конкретно несли.
Когда я себя уговорил,
Ведь очень хотел я Аню без сил,
Девчонки тогда меня отослали
Ни в эту кабину, а за километр послали.
Отошёл я туда, затем пошёл я назад,
Желая скорее результаты узнать.
А на пол пути меня встретил их бывший муж,
И предложил расслабиться уж –
Он дал мне какого-то наркотика в рот,
Я принял его, я был – Априот.
Затем я с Аней стал долго общаться,
Чтоб её развести, ну, не мог удержаться.
Она говорила, но не предлагала,
А лишь на отказ всегда намекала.
Я ей сказал, что она не права,
Что ей от меня нужны лишь слава,
Что корчит с себя она недотрогу,
А мне ведь охота везде её потрогать.
Она мне в ответ: «Мы можем заняться
Чем-то другим, вместо того, чтоб трепаться».
Меня сразу магнитом к ней потянуло,
И желаньем конкретным нас двоих захлеснуло.
Она начала страстно меня целовать,
Я ей тем же отвечал, мне хотелось «влюблять».
Я полез под футболку, она навстречу подняла,

И вместо трусиков, там оказалась «звезда».
Я сразу вниз пополз по телу её,
Она свои ножки раздвинула легко.
Я начал языком работать вовсю,
Я страстно лизал её долгожданную «звезду».
Я клитор пытался языком отыскать,
Но не выходило, я лизал минут пять.
Затем и палец в работу пустил,
И клитор её я уже ощутил,
Он стал всё твердеть, а она трепыхалась,
В конвульсиях сильных она всё сжималась.
А сам побыстрее я хотел всё войти,
Но что то мешало, морально пойми.
Я начал пытаться сильнее соображать,
Чтоб эту девицу быстрее «повлюблять».
И тут до меня ответ-смысл дошёл –
Что я сейчас сплю, а это лишь сон.
И я попытался ей вставить скорей,
Но сразу проснулся, вспотев, офигел.

Попил молока, и опять баю-бай,
Эй, Анечка слышишь, давай раздвигай.
И вот на моё, вообще, удивленье,
Попал я опять в это же сновиденье.
Опять эта Аня, уже оделась она,
«Куда ты исчез?», – спросила она.
А я не признался, хоть сам понимал,
Что это во сне, снова я продолжал.
Сказал: «Получилось, пришлось отойти,
Но можем продолжить, я уже не в пути».
Она мне сказала, что работает в охране,
А я ей в ответ: «Там мало же платят».
Она начала очень сильно дерзить,
Пытаясь морально меня победить.
Я понял, что очень она офигела,
Что с нею общаться нету мне дела.
Спросил я у ней: «Откуда дом такой,
Если в охране ты работаешь одной?»
Затем я увидел, что комнаты в нём
Были не все в ремонте крутом.
Она в миг обиделась сильна на меня,
Мол, я здесь в гостях, хамлю, как свинья.
Затем я на всю, осознавая,
Что я сейчас сплю, лишь бровями моргая,
Сказал им, троим, что они мне лишь снятся,
Что находятся в моём сне, и не нужно стесняться.
И Аня, и Света, и даже пацан
Мне не поверили, хоть он был наркоман.
А я психанул и – проснулся опять –
Чтоб с бадуна молочка мне вливать,

Ведь я был во сне, зная об этом,
А они мне не верили, становлюсь я поэтом.

Попил молока и – опять на бочок,
Чтоб им доказать, что я всё же не чёк...
И вновь, на моё, опять, удивление,
Я снова попал в это же сновиденье.
И цель я поставил – им доказать,
Что они в моём сне живут, иху мать.
Я им объяснял, что я сейчас сплю
На кровати своей, в доме лежу,
А там стоит телек, вон там – стоит стол,
И много различных им фактов привёл.
А они говорили, что чёкнутый я,
Не могут мне сниться они не фи́га,
Ведь есть у них дом, работа и дети,
Что я – шизанутый, ну, в общем – с приветом.
Я понял, что я их совсем не пробью,
И – нафиг свалил – уже я не сплю.
А сейчас я подумал, и пожалел,
Что я доказать им не сумел,
Ведь возможность была им доказать,
А я не додумался, вот иху мать.
А возможность была совершенно простая.
Вы, что не догадываетесь – какая?
У них ведь машина крутая была,
Которая мысли считывать могла.
Я стал бы в кабину, они б овал взяли –
И сразу бы мысли мои увидали –
Что я им не вру, что я сейчас сплю,
И что их, девчонок обеих хочу.
Но мысль эта вовремя ко мне не пришла,
Поэтому в недоверии у них остался я,
К тому же – без секса, а член всё стоял,
Пока я жену свою «не отвлюблял».

0.2.20. «Интерпретации сообщения». (06.04.2011.)

Теперь через сон сообщения пошли,
Увидел в сновидении я, их – в себе – внутри.
Когда уже проснулся, то код я подобрал,
По символам, смысл я быстренько узнал.
«Напарник, по работе с оружием в охране,
Напомнил мне о том, что год не за горами.
Сказал, чтоб я быстрее пистолет просил,
У своего дяди, он его всю жизнь носил.
А я ему ответил: «Ну, как он мне отдаст,
Ведь он не украдёт и мне не передаст».
Напарник тот со мною в каком-то доме проживал,
«Пора чем-то заняться», – затем он мне сказал.

И предложил реально во что-то поиграть,
А мне так не хотелось конкретно мозг свой напрягать».
Интерпретировать по-разному можно этот сон.
Я сначала подумал, что смысл здесь таков:
«Чтоб я на работу устроился опять,
Чтоб мне оружие дали, чтобы смог я стрелять.
А то, мол, затем, на работу не возьмут,
Через год все места будут заняты вот тут».

Вторая версия позже появилась,
Когда сознание моё сильнее прояснилось:
«Мне сообщили, что год всего остался,
Мне нужен пистолет, чтоб я не обложался.
После катастрофы 2012-ть
Люди мародерством станут заниматься.
И чтобы мог реально себя я защищать,
Мне нужно попросить пистолет, иль занять».

А после, когда я совсем уж проснулся –
Поглубже в смысл сновидения втянулся:
«Пистолет означать может – не оружие,
А, к примеру, знание, которое будет нужно нам,
Когда конец света начнёт начинаться,
А также затем, когда продолжаться,
Ну, а тем более, когда мир уж встряхнётся,
И после конца – по-другому начнётся».
Какое же знание мне пригодиться,
Чтобы затем в долгий путь мне пуститься?
«Оружие мне попросить нужно было у дяди»,
Который – строгий, не пьёт, только – «гляди».
А также мой дядя – работает всегда,
Стремится к успеху, несмотря даже на...
А вывод напрашивается здесь такой:
«Придётся работать, чтоб выжить, рукой,
Ногой, головой, и конечно, членом,
Чтобы продлить своё поколение».
А сейчас люди все совсем не напрягаются,
Только ерундой одной занимаются:
«Воруют, лгут, ширяются, пьют,
В виртуальном мире живут;
Покупают продукты, а не растят,
Мясо и фрукты с магазинов хотят;
Ведь трудностей меньше у них, чем у тех,
Которых попозже ждёт трудный успех».
Зато дядя мой дружит с мозгами,
К тому же все зубы у него – не «цунами»,
Целые все, без дырок и пломб,
И белые все, и свои – в этом толк.
А то, что играть напарник предложил,
То это – сейчас все лишь в играх без сил.
Все силы на игры они свои тратят,
Быть может, играть давно уже хватит?

А мне вся система общества, в котором живём

Не нравилась всегда, в этом урок:

«Во сне я играть совсем не хотел –

А – жить по-другому, и в этом я смел».

Других вариантов можно много подобрать,
Чтобы одну информацию по-разному интерпретировать.

0.2.21. «Я играю». (08.04.2011.)

Я напился алкоголя – вновь пошли крутые сны,

В этих снах не знал покоя, примерно, аж недели три.

В первом сне: «Я приехал и поплыл по реке». –

Очищение организма от алкоголя вполне,

И особенно кровь, что по венам течёт,

Как река сто пудов, по символам «прёт».

Во втором сне: «Я вновь играю в игру,

В которую отказаться играть не могу.

В первом уровне я снова в колледже учусь –

Меня назначили старшиной, я совсем не тружусь.

Я забил на все правила – и всем разрешил

Бухать, расслабляться, и не учить книжный мир.

Мы ходили по аудиториям и коридорам,

Общались, веселились, не зная покоя.

Но затем за мною кто-то погнался,

И я по привычке вновь забоялся –

Убегать автоматически я начал.

Игра усложнялась, я офигевал:

Росли коридоры и переходы,

Новые комнаты появлялись охотно.

Из-за того, что на учёбу я забивал,

Потихоньку на уровень ниже попал.

А затем, когда бегать я заморился,

В мыслях смелости набрался и остановился.

Я решил атаку на себя принять,

И чтобы не случилось – я решил воевать.

И сразу на уровень выше попал.

Там я конкретно уже воевал.

Я сначала по суше с оружием шёл,

А затем аж на поезд меня разум завёл.

Поезд быстро тот ехал, я по вагонам пошёл,

Не внутри, а по крыше меня разум повёл.

Была скорость большая, и меня чуть не сдуло,

Но за трубу я удержался, и не сломал на оружие дуло.

По всем вагонам я добрался до последнего уже,

Он был без крыши, я спустился поскорей.

В это время и поезд стал замедляться,

Я ствол свой направил и стал цели дожидаться.

А оружие у меня было не крутое –

Старинное наверно, самодельное, простое.

Долго ждать мне не пришлось – появился человек,

Я стал сразу стрелять, не попадая вовек.

Я ствол прямо направлял, цель в 5-ти метрах была,
Человек чем-то обладал – каждая пуля мимо прошла...»

В третьем сне я опять сообщения получаю

Символами закодированы, но я их уже знаю:

«Дядя Лёня, который военный всю жизнь,

Меня учит военщине, только держись.

Я в форме военной, оборудован весь:

Оружие, лимонки мне дали здесь.

Он показывает мне как в транспорт зайти,

Который летает, он большой, ты пойми.

Типа, космический корабль, быть может,

Я вешаю лимонку, подтягиваюсь тоже,

И внутрь я попадаю, а там человек один,

Дежурил пока я, его уже сменил».

Опять информация мне намекает,

Что в конец света нас кто-то спасает.

Бать может, подсознание само всё составляет,

А может быть, информация из космоса прибывает.

0.2.22. «Мамочка». (09.04.2011.)

Мне приснилось, что мне мамы очень сильно не хватает,

Что она уже мертва, образ лишь её мерцает.

Маму я сильно позвал, обнять её я пожелал,

Образ чётко появился и ко мне приблизился,

Я обнял её скорее, чтобы не отблизился.

Я сказал: «Прости мне мама то, что нервы я мотал,

То, что я тебя ни сколько никогда не понимал».

В мыслях я всё сразу вспомнил – сколько бед я причинял,

Сколько раз я с мамой спорил, никогда не уступал.

Всеми фибрами своими захотел время вернуть,

Чтобы радость доставлять ей, уничтожить, чтобы грусть.

Обнимал свою я маму, не старушкой та была,

И я понял, что мне снится, сто пудово, сейчас она.

Мне казалось – был уверен, что в той комнате, где сплю,

Папа спит, ещё – жена, ну, и я отдельно сплю.

Ну, а мамы рядом нету, её крепко обнимал,

Ну, а мыслями сильнее себя очень упрекал.

Я сказал ей: «Очень сильно с тобой побыть ещё хочу,

Очень я был не прав, очень за тобой грущу».

Говорил я своей маме, не бросала чтоб меня,

Чтоб со мной ещё подольше побыла и пожила.

По щекам катились слёзы, разбудившие меня.

Я проснулся, и я плачу, обнять маму хочу я.

Я проснулся, и я понял, что моя мама сейчас жива,

И что рядом сейчас не спали со мною здесь моя родня.

Я один в доме сейчас, и уже совсем не сплю,

И я очень-очень сильно свою мамочку люблю.

Я, конечно, сразу понял – зачем сон такой мне дан –

Чтобы я теперь совсем маме нервы не мотал,

Чтоб до слёз не доводил, ну, и до расстройства тоже,

Чтоб моя матушка теперь стала мне ещё дороже.

После строгого, в натуре, сновидения такого,
Я настроен очень строго, чтоб это было всё на деле:
Чтобы с мамой соглашался, и не спорил, не кричал,
Ни за что, совсем ей чтобы ничего не высказывал,
На все просьбы – откликался, лень свою, чтоб выключал,
И не ныл чтобы, конечно, и чтоб больше не бухал.

Слёзы дальше чуть катились, хоть не спал уже я час,
Ведь сознание раздуплилось, что я полный – «плохой ас»:
Я всегда со всеми спорю, никогда не уступаю,
А на их просьбы ко мне часто я не отзываюсь,
Эгоист, лентяй и тормоз, а ещё тупой халявщик –
Я работать не желаю, я – оплётанный писальщик.
Я подумал, что и к папе, и к жене, конечно тоже
Нужно лучше относиться, пока сон про них не гложет.
И до сна я понимал и ценил свою я маму,
Это всё осознавал, но всё равно я был упрямым.
Сновидение мне просто напомнило, и намекнуло,
И за такое отношение подсознание упрекнуло.
Для меня это причина с пивом, с водкой завязать,
И для начала – хоть не спорить, не упрекать и не кричать,
И стараться уж на деле, а не только на словах,
В общем – хватит беспределить, ведь люблю я свою мать.
А с работой – есть запарка: ну, нету смысла туда идти,
Ведь там мало очень платят, и не моё то, ну, пойми.
Мама говорит мне часто, чтоб работать я пошёл,
Для меня это ужасно, ведь я себя давно нашёл:
Я писатель, я тружусь только – интеллектуально,
Этим я очень горжусь, и считаю себя гениальным.
Книгу нужно продвигать, чтобы деньги мне платили,
Ведь работать нужно там, где твоё хобби, а не где учили.
А издательства контракт со мной не хотят заключать,
Не хотят издавать книгу и не хотят продавать.
Они даже не читали, просто – денег у них нет,
Влаживать свои деньжата, для издательства то – бред.
До 35-ти с карьерой только есть возможность заниматься,
Мне сейчас 31-ть один, не хочу я обложаться.
Срочно мне искать работу очень нужно, понимаю,
Но только лишь в издательствах, в другом месте – не желаю.
Я работать-то, согласен, только – интеллектуально,
А пока буду я дома продолжать свои желанья,
Свою маму уважать, и жену, и папу тоже,
Я надеюсь: мне душа – подсознание поможет.

0.2.23. «Поездка по векам».

Кассы, поезда, электрички, пироны,
Я не успеваю сесть в нужные вагоны,
Я купил билет и в вагон зашёл,
Но в миг переместился вновь на пирон.

Но это не главное, а главное то,
Что я оказался в 20-ом веке, ого.
Я пошёл покупать нужный билет,
Но денег нужных, как оказалось, вовсе нет.
Я начал ходить – к проводницам подходить,
Чтоб те впустили в вагон меня, побыть.
Домой я уехать пытался всё равно,
Хоть попал я во время, совершенно не в то.
И вот я стою опять на пироне
И поезд старинный приближается вскоре.
Но в этот момент я перемещаюсь,
И в веке 19-ом теперь я теряюсь.
Я пошёл прямо к кассам, по вокзалу походил,
Посмотрел на людей, чуть к ментам не угодил,
Я в карман залез, а там денег нет
Ни каких совсем, это полный бред.
Я пошёл опять поближе к поездам,
И залез я в поезд, затаился там.
Я залез в вагон, где не было людей,
Может, так доеду домой поскорей.
Но в миг меня выбросило прямо на пирон,
Энергетический поток, это он.
Я оказался в 18-ом веке,
Чтоб кто-то поверил здесь не найду человека.
Стою на пироне, ни куда не иду,
Я и так своей одеждой, себя очень «палю».
Жду поезда я, но понимаю,
Что я путешествую по вокзалам, и знаю,
Что поезд меня домой не повезёт,
А только подальше во времени запульнёт.
Вот так я по времени перемещался,
А по местности не мог, домой не возвращался.
Я не думал о том, что когда приеду домой,
То меня не пустят – не поймут, я чужой.
Ведь в веке я, в другом оказывался постоянно,
Прошное меня затягивало, для меня – не актуально.

0.2.24. Сказка «О теории Вселенского сна».

Я сны запоминаю в основном только те,
Которые последние утром снятся мне.
Их легче запомнить, хотя яркие все,
Но в последних, я легче вижу смысл везде.
Мысль, как идея очень заразна,
И в сновидении очень опасна.
Но если идея не сформировалась,
Значит – не прижилась, потому что «помялась».
А если её вы решили продвинуть,
На это у вас хватает смелости и силы,
То сразу идею, или сон, запишите,
Их трудно сохранить в памяти, учтите.

Когда вам сон во сне снится много раз,
И не поймёте Вы: где находитесь сейчас –
Проснулись уже, или себе ещё снитесь,
Тогда в этот смысл Вы реально уткнитесь.
А смысл здесь таков: это уровни сна,
И даже реальность это сон номер два.
Когда с глубины – просыпаетесь Вы,
Из сна Вы выходите, как с воды – с глубины.
Когда Вы проснулись – то Вы ещё спите,
Реальность – тоже сон, Вы это поймите.
Когда Вы во сне, то чтобы проснуться –
Нужно срока дожидаться и не захлебнуться.
Когда срок приходит, то Вы просыпаетесь –
И в реальности своей Вы раздупляетесь.
А если ещё срок не пришёл,
А Вас застрелили во сне, это шок.
От этого шока Вы сразу проснулись –
В реальности своей Вы тоже очнулись.
Со смертью и с жизнью, та же система,
Ведь движется всё по налаженной схеме:
Когда Вы до срока своего доживёте,
От старости или от болезни умрёте,
То значит – Вы уровень весь этот прошли,
И миссию свою здесь выполнили.
Тогда Вы не просто сотрётесь с пространства,
А перенесётесь в другой класс постарше,
Как будто – проснётесь, и сразу поймёте,
Что та жизнь, то – сон был, а сейчас Вы живёте.
А если в той жизни «доиграть» Вам не дали –
Утопили, убили Вас, или забуцали,
То Вы всё равно, пройдёте в новый класс,
Но не получив от того уровня экстаз,
Как сон тот, в котором Вас пристрелили,
И Вы не узнали смысл сна и где были.
А если Вы сами себя разбудили –
Ну, то есть при жизни себя же убили,
Тогда Вы на уровень ниже уйдёте –
Заснёте поглубже – живым Вы сгниёте,
Туда попадёте, где раньше уж были,
Вперёд Вы, у Вы, пока не доплыли.
Вам долго придётся в другом теле жить,
Чтоб в уровень выше всё ж перейти.
Себя разбудить, значит – глубже заснуть,
Я часто будил, но проваливался в глубь.
Когда Вы умрёте – всё что с Вами было,
Покажется вам совершенно остывшим,
И Вы, как проснётесь и сразу поймёте,
Что это реальность, что здесь Вы живёте.
Но это, ведь, тоже не будет концом,
Сон будет всегда для нас лишь отцом.

Он нас породил, он нас же продлит,
Сон в круге парадоксальном всегда нас кружит.
Спросите теперь: «В чём начало начал?».
Ответите сами: «Парадокс доконал».
Из чего появиться первое начало могло? –
Ответу вот здесь быть не дано.
И вот остаётся одно объяснение:
«Жизней нет, есть лишь сновиденья.
Вся жизнь наша – сон, и сон – это жизнь,
Такой вот для нас у Вселенной сюрприз».
Выходит, что вся Вселенная снится,
Находясь в сновидение другом – за границей.
Ну, в общем, Вселенной реальной, совсем нет,
А есть лишь уровни сновидений, и это не бред.
Для многих, конечно, похоже на бред,
А для меня это – полный ответ.
А тот, для кого, мой ответ это бред,
Тот пусть и считает, что в реальность одет.
А я теперь знаю, уверен совсем,
Что мы себе снимся всё время совсем.
Хотя, если точным сейчас в словах быть, –
То время тоже нам снится, только б не забыть.
Ведь, когда я умру – попаду в другой сон,
Могу всё забыть, буду вновь удивлён.
А я еле-еле загадку эту разгадал,
Не хочу это забыть, я ведь сам всё догнал.
Бывает, когда в сновидении я,
В котором мне классно, а просыпаться пора,
То я не хочу совсем просыпаться,
А срок поджимает, никуда не деваться.
Уже понимаю, что это лишь сон,
И что просыпаюсь уже я, как слон,
Но всё ж ещё движу, хочу дотянуть,
И пару девчонкам в трусы заглянуть.
Вот так и вот в этом, нашем сновиденье,
Что реальностью и явью называется, с сомнением,
Когда человек уже умирает,
То он слегка это уже понимает,
Что он сейчас умрёт – в новый уровень перейдёт,
И пытается дожать, этот уровень, вперёд.
К примеру, как те, кто умирали,
Клиническую смерть они испытывали.
Но всё же они выкарабкаться смогли –
И дальше в сновиденье этом прожили.
Но, всё же когда они умирали,
Они третьим глазом путь будущий видали:
Сквозь сон, то есть сквозь жизнь чувствовали всё,
Что их в новом уровне, сто пудово, ждало.
Но «просыпаться» они не захотели,
Им с того уровня: «Спи», – тихонько пропели,

Ведь миссию свою они не завершили,
Ну, или вторую себе миссию внушили,
Чтоб больше побыть в уровне этом,
Быть может, потому что боялись «пистолетов».
Поэтому мы всегда в сновиденьях,
И нам не проснуться в реальность в виденьях,
Ведь некуда нам совсем просыпаться –
Реальности нет, есть лишь сны – пора забываться.
Из сна, когда в сон ты переходишь,
То обстоятельства другие часто находишь.
Бывает ещё, что другой стал и ты,
Попробуй ещё раз проснись, иль умри.
Меняем тела, изменяем сознания,
Меняется даже и подсознания,
И мировоззрения, и приоритеты,
И даже меняются все наши дети.
Откуда тогда материальный весь мир?
А во сне ведь он тоже, давай поглядим:
Там тоже, как здесь всё материально,
И чтоб там ты делал, для тебя всё реально.
Процесс сновиденья, конечно, в мозгу,
Но нам это снится, я это не вру.
А если вам трудно это понять,
Тогда постарайтесь на веру принять.
А если и этого Вы не хотите,
Тогда, просто, дальше живите и спите;
Живите и бойтесь, что когда Вы умрёте,
То сразу в ни куда Вы попадёте.
Ну, а почему не получится вверх подняться,
Если самоубийством в этом уровне заняться?
Да всё потому что, когда рождаемся мы –
Для нас это снотворное сильное, пойми.
И если при снотворном сильном, ты заснёшь,
И в этом сновидение ты попадёшь на нож, –
От шока не проснёшься, а попадёшь лишь в глубь,
И будешь долго там карабкаться, мышлением, как дуб.
Вот вывод для философов, кто хочет объяснить –
Откуда всё взялось и как нам дальше быть –
Мы в замкнутом круге сновидений живём,
И будем жить так, как хотим и могём.

0.2.25. «Поэма о призывнике».

Я пришёл в военкомат, захотел тогда служить,
И подумал: «Буду рад я отсюда вот свалить».
Я прошёл много врачей, и зашёл к последнему,
Тот психиатром работал, началось собеседование.
Он мне сразу, прям с порога, начал пословицы толкать,
Ну, а я, на них, как мог, начал смело отвечать.
««Всякий плод должен созреть лишь на своей ветке», –
Что ты можешь здесь сказать, Расскажи мне, детка?».

– Что спешить совсем не нужно, и кого-то напрягать,
Просить его постоянно и о чём-то умолять.
Если так не происходит, как хотел бы сейчас ты,
То ты жди, сколько придётся, «когти ты свои не рви».

– «Петух, кукареканьем утро не делает».

– Кто мне чего здесь посоветует?

Я по сторонам глянул, а рядом ни кого,
Ну, я и ответил, что в голову пришло:
«Понятно, не делает, оно само начинается...»

А доктор во всю на меня удивляется:

– Отбрось ты утро и петуха,

И смысл пословицы изложи до потолка.

Я в мыслях очень на него конкретно разозлился,
Насупился я на него, и очень огорчился.

Стою, смотрю и не пойму – чего от меня хочет:

Задрачивает он меня ну, или мне пророчит:

«Ты не годен, ты не годен, ты не годен ни фига,
Ты в натуре не пригоден, чтоб носить форму и ОЗК.

Я говорю: «А как ещё, объяснить её можно,
Я по-другому не пойму, хоть очень я серьёзный.
Ты объясни мне сам её, раз ты такой упёртый,
Быть может ты и сам тупой, и мозг твой давно стёртый».

Не стал её он объяснять, а мне ведь интересно,
Что может это означать, хочу узнать я честно.
Он сжалился тут надомной – другой вопрос мне задал:
«Скажи-ка ты мне, мой родной, как выйти тебе с «зада»».

Его намёк был очень тонк, но я его заметил,
И потихонечку во всю его сразу приметил:

Достал с пакета, я бухло, и положил закуску,
А выглядела, ведь, она в натуре очень вкусно.

– Всё, ты годен, всё ты годен, всё ты годен, молодец,
Наливай, давай быстрее, доставая огурец!

0.2.26. «Двойное значение слов»

или «Девушка из подсознания».

Я еду в электричке, общаемся, сидим.

И тут один парень у мужчины спросил:

– Вы не знаете случайно, как доехать мне туда –
До Тишківського району, чтоб быстрее, без труда.
Пока мужчина думал и что-то вспоминал,
Я в разговор по быстрому, конечно, сразу встрял.
И то, что я всё это знаю, ему я рассказал.
Он меня слушать начинает, но он Харькова совсем не знает,
И поэтому он просит меня провести его прямо до вокзала.
Я соглашаюсь, мы едим туда, заходим вовнутрь, ну, а меня
Знакомая женщина с кабинки зовёт, на 2-ом этаже она, вот.
Я парню говорю: «Меня ты подожди.
Сейчас я подойду, еды ты присмотри.
Сходил я на 2-ой этаж со знакомой пообщался,
И сразу я назад пришёл, попутчик меня дождался.

«Давай-ка перекусим», – ему я говорю.
И вместе с ним к девушке одной я подхожу.
Стоит там мини-кухня, и она что-то продаёт,
Но смотрим мы лишь на неё, открылся у нас рот,
Ведь больно уж она красива, и очень сексуальна,
И от жары по грудям пот течёт, мне хочется орально.
«Что ты будешь есть?», – я у попутчика спросил,
А он сказал: «Не знаю». И я у девушки спросил:
Чего у Вас сейчас есть поесть? А она мне отвечала:
«Яичницу с сосисками я жарю для начала».
«Пожарьте нам, пожалуйста, две порции сейчас»,
А сам с её грудей я не свожу своих всех глаз.
Она нам начинает по быстрому их жарить,
А мы с попутчиком глядим, и очень с неё таем.
Грудь её на половину из формы прямо выглядывает,
И не смотреть – ну, не возможно, очень она нас радует.
К тому же фигура очень стройная у ней
И талия вся круглая – прямо бери – и «пей».
Мы просто застыли, смотря на неё,
И каждый из нас думал: «Как бы её...».
Я не сдержался и начал общаться
Но закодировано, начал подступаться.
Попутчик мой меня не просто понимал,
А все слова буквально своим слухом он вкушал.
А я всё это понимал, что девушка обидится,
И извиняться приготовился, но я хотел с ней видиться.
Но она обижаться не стала,
Просто второй смысл слов не понимала.
Слова все буквально мои принимала,
И слушать меня она продолжала.
– А вкусная у Вас яичница Ваша?
– Попробуете, затем узнаете сами.
Её Вам, кстати, подавать жареной сухой,
Или всмятку жиденькой, примерно, вот такой.
– Да, да, конечно, жиденькой. – Я не удержался.
А мой попутчик, поддержал, но в смыслах он загнался.
Он думал то, что девушка, мыслит, как и он.
– А можно её попробовать? – Лизать хотел, как «слон».
А девушка как раз, яичницу дожарила,
Сосиски положила и майонез поставила.
– Конечно, я ведь Вам её вот принесла,
Не только Вы попробуйте, а кушайте, ага.
Я смысл происходящего, конечно ж понимал,
Смеяться я хотел, но я себя сдержал.
– За этот стол мы сядем? – Я у девушки спросил, –
А то другие заняты, вот здесь мы посидим?
Клиентов больше не было, она нам разрешила,
И я на стул присел, не засмеяться хватило силы.
Попутчик мой повторно вопрос у ней спрашивал:
– Прямо здесь можно попробовать яичницу Вашу?

– Конечно, прямо здесь. – Удивилась она, в стрём. –
Персональную комнату для Вас искать мы не пойдём.
– А можете хотя бы присесть за столик Вы?
– Чтоб я за стол присела? А что Вы так ни, ни?
– Я так очень стесняюсь. – О сексе думал парень.
А девушка подумала, что комплекс у него шкалит.
На стульчик она села, к тому же умурилась,
Да и клиентов пока не было, но всё же удивилась.
– Девушка, подвиньтесь, пожалуйста, к столу,
И полностью расслабьтесь, а то я так не могу.
Она решила исполнить просьбу клиента.
Подвинулась, расслабилась, совсем без аргумента.
Скатерть была широкая на маленьком столу,
Почти она до пола доставала, я не вру.
Попутчик мой увидел, что она откинулась на стулке,
И ножки развела, машинально, но в обуви.
С иронией, к тому же она проговорила:
– Смелее давайте, пробуйте. – Смотреть она решила.
А парень не сдержавшись, залез резко под стол,
Прильнул лицом ей между ног – прелесть её нашёл,
Ведь ни о чём совсем другом, он думать и не мог.
Ведь он очень хотел, залезть под стол он смог.
Ему ещё, конкретно, в натуре повезло,
Ведь нижнего белья там уже не было давно,
Так как – лето, жарко, да ещё плита,
Девушка без трусиков работала всегда.
А парень очень резко свой язык туда вонзил,
К тому же за две ножки руками её схватил.
Он принялся лизать и клитор поднимать,
А пот прям на лицо ему, её весь стал стекать.
Девушка совсем не успела понять,
И вовремя из-за этого, среагировать – отпрять.
Как быстро, почему с еды переключился
На «киску» её влажную, ну, и лизать пустился.
Ей сразу стало не удобно, она не проститутка,
Чтоб первому встречному давать лизать, как «утка».
Но, чтоб внимание других совсем не привлекать,
Она совсем не начала кипиш проявлять.
В вокзале оказалось достаточно мало людей,
Ведь каждый хотел уйти поскорей.
К тому же столик их в углу почти стоял,
Да и под скатертью, что делают – ни кто совсем не знал.
А я сидел и не хотел совсем ей помогать,
За её мимикой лица решил я наблюдать.
Да возбудился очень так, что стало невтерпёж,
А девушка по новой расслабилась уж, всё ж.
А парень, значит, знал то, чем занимался,
Ведь через пять минут у ней омут начался:
Она стала стонать слегка с закрытыми глазами,
И дёргать телом всем своим, и головой с руками.

А я, конечно, не сдержался: за руки её взял,
Способом таким к себе я привлекал.
Она меня в ответ ручками схватила,
Я ближе к ней придвинулся, терпеть не было силы.
Свой член достал из штанов, её руку туда положив,
Она автоматически схватила, что есть сил.
Её руку направил, и стал ей намекать,
Чтобы она его гладила рукой вперёд и вспять.
И видя, что она скоро может разразиться
Оргазмом своим удовлетвориться,
Я сразу предложил ей в рот положить колбаску,
Она ротик открыла: «Угу», – сказала ясно.
И на автопилоте, она слегка нагнулась,
А я слегка поднялся – чуть она не поперхнулась,
Ведь прямо сразу в глотку я членом ей попал,
Рукой своей за волосы её я сильно взял,
И стал слегка ей помогать, чтоб член не вынимала,
И чтоб пока в неё не кончу, сосала и глотала.
И то, что мы прилюдно вот этим занимаемся,
От этого мы только сильнее возбуждаемся.
А парень весь уж мокрый от пота и бели,
Лизал во всю клитор, теребил её «петели»,
И в дырочку, поглубже, языком её «влюблял»,
А член у него железным, наверно, уже стал.
Я, приподнявшись, двигался, чтоб кончить ей быстрее,
Чтоб не обломаться, облить её поскорей.
И вот, по её мимике и звукам, сквозь полный рот,
Я слышу, что скоро оргазм её придёт.
На ушко ей я вслух шепнул: «Вам «майонез» куда?
Вовнутрь положить и сверху? Скажи – да».
Она «Угу», – сказала, дрожать сильнее начала,
И я быстрее ей кончил прямо в ротик дополна,
Ведь возбудился сильно я, и спермы стало много,
Она прям потекла сорта у неё строго.
Я взял её ладошку, и стал ей намекать,
Чтоб она пальцами подбирала и стала её лакать.
Она уже кончала, ей было всё равно,
Как ею руководили, лишь бы оргазм взяло.
Когда женщина стонет, когда уже кончает,
То полностью глаза, в натуре, закрывает,
Думать совсем не может, в натуре, ни о чём,
Этот кайф её длится 5-ть минут. Вот мы втроём.
Поэтому, направив, её рука сама,
Сперму в рот положила и обмазывала,
А я всё продолжал – ещё сперму сливал,
Она всё подходила, я сам офигевал.
Затем, когда всю сперму обмазала и съела,
Пока она кончала, лизать член сумела.
Я вытер, напоследок, член, об её глаза,
На стульчик я присел, и глянул как дела. –

Все вроде не смотрели, а кто и замечал,
 Тот виду не подал, а просто наблюдал.
 Когда оргазм закончила испытывать она,
 На стуле «расплылась», как на кресле, девушка.
 А парень, всё лизал и не переставал,
 И после её оргазма, аж захлёбываться стал.
 А я стал, есть яичницу, что на столе лежала,
 А девушка всё поняла, легонько засмеялась.
 Затем и застеснялась, и парня стала звать,
 Чтоб её влагалище перестал лизать.
 Но тот её не слышал, и слышать не хотел,
 Ведь он без ума был от своих таких дел.
 Девушка стала шёпотом просить,
 Чтоб я своего спутника сумел вразумить.
 Но, я сказал, что я ей рад во всём помочь,
 Но как вот это сделать – придумать, мол, невмочь.
 – Мне что туда тоже залезть, его ближе позвать. –
 Я стал себя немножко под столик наклонять.
 – Нет, нет, прошу не нужно под столик зализать. –
 Она руку схватила мою, рукой опять.
 Она уж оглянулась, и снова наклонилась,
 Мол, сидим, общаемся, мол, нам любовь приснилась. –
 Пока ни кто не видит. Давайте выручайте,
 Если сейчас спасёте – должна Вам, буду, знайте,
 Чего Вы захотите, но только помогите,
 И парня от меня быстрее отлепите.
 Я вновь уж возбудился, и вновь не удержался:
 Её я захотел, ну, и не облажался:
 – Я Вас хочу «оттарить» прямо аж сейчас.
 Согласны Вы на это, и есть место у Вас?
 – Да, да, на всё согласна, согласна Вам отдаться,
 Но только вот давайте отсюда убираться.
 Я вмиг слегка нагнулся, попутчика позвал,
 И по ботинкам сильно ему я постучал:
 – Давай, быстрее заканчивай, пора уже валить,
 Чтоб нам, куда подальше двоим не угодить.
 Сейчас мы резко свалим, а ты затем вылезай,
 Яичницу настоящую быстрее доедай.
 Затем иди в вагон, электричка сейчас отправится,
 Ну, всё, девушку отпускай, уже пора расслабиться.
 Попутчик, попустился, на миг остановился.
 Я девушку схватил, и в полный путь пустился:
 Под ручку её взял, мы быстренько пошли,
 И её ножки стройные к туалету привели.
 – Давай, давай быстрее, парашу открывай.
 – Да, да, у меня ключ есть, такой у нас вокзал.
 У каждого работника свой ключик всегда был,
 Вовнутрь быстро зашли, изнутри двери закрыл.
 – Я вытащил тебя. – Я ей говорю,
 А сам уже рукою во влагалище сную,

Пока она не стала отказывать во всю,
Решил – её по быстрому я, снова возбужу.
Другой рукой из лифчика я грудь её достал,
И возбуждать по очереди соски её начал.
Затем, когда напухли – её я развернул,
А ручки её нежные к раковине повернул.
Она её схватила – и принялась держаться.
А я быстрее вошёл, чтоб мне не облажаться.
Когда она уже вновь, начала текти,
То ритм я слегка сбросил, чтоб подольше «полюбсти».
Я кран рукой открыл – лицо её умыл,
Ведь очень целоваться хотел при сексе, был.
Затем её поднял, к стене её прижал,
На кол она мне села, за попку я держал.
А там, как раз труба для полотенец, видно, была,
Она за неё схватилась и понеслась сама:
А я просто стоял, палец в попу ей совал,
Ну, а она тащилась и двигалась, как лань.
Её стал целовать, она страстно отвечала,
Так пол часа мы в кайфе обалденном прибывали.
Затем, когда все пальцы уже в попу вошли,
Она спросила: «Хочешь там почесать внутри?»
– Конечно, я хочу. – Ответил я в ответ.
Её сразу поставил, по новой, и – в «дуплет» –
Засунул легко в попку, она сильнее балдела,
И клитор свой ласкать одной рукой сумела.
Затем, её на раковину, слегка я посадил,
И стал «влюблять» во влагалище, и целовать, «без сил».
Вот, чувствую – она уже сейчас подходит,
Ведь «кол» мой там горит, и долго быстро ходит.
Она стала кончать, её я подождал,
И посреди её оргазма, в неё я накончал.
Оргазмы свои вместе испытывали мы,
Желания загадывали каждый, где-то, три...
Но, вот, когда я кончил, мой член совсем не падал,
Я очень стал обдумывать, суя свой член прям в зад ей.
А после попки я достал, её я наклонил,
Она сама свой ротик открыла, прямо в горло я внедрил.
Затем она лизала, и сосать продолжала,
Стояла на коленях и жадно член в рот брала.
Но, даже если дальше возбуждать продолжала,
Слегка ведь, он упасть должен был, для начала.
Тем более второй раз, почти подряд я кончил,
А член мой всё не падал, это было не ночью.
Затем решил проверить, и вытянул его,
Я до него дотронулся – и понял я – здесь что, –
Ведь сразу просыпаться я начал слеганца,
А у меня ещё и не капало с конца.
Прекрасный очень секс со мною приключился
С девушкой из подсознания я классно развратился.

Все главы входящие в собрание сочинений:

0.«Фантастика и философия XXI века».

0.0. «От автора».

0.1. Фантастические рассказы.

0.2. Поэмы.

0.3. Поэзия.

0.4. Песни.

0.5. Программы.

0.6. «Бред».

0.7. «О себе».

0.8. «Факты».

0.9. Нравоучения.

0.10. Афоризмы.

0.11. Высказывания.

0.12. Истории.

0.13. Схемы и таблицы.

0.14. Обращения.

0.15. Дневник сновидений.

0.16. Претензии.

0.17. Юмор!

0.18. Вопросы знатокам.

0.19. Идеи для фильмов.

0.20. Советы.

2000 – 2009г.

Автор – Априот – Душ – Джин – Кирнасов Роман Иванович.

Содержание:

0.2. Поэмы.....	
0.2.1. «Рифмованный смысл».....	
0.2.2. «Объявление».....	
0.2.3. «Пролактин».....	
0.2.4. «Жители времени».....	
0.2.5. «План террористов».....	
0.2.6. «Отражение».....	
0.2.7. «Поэма о Априоте».....	
0.2.8. «Поэма о Земле».....	
0.2.9. «Поэма о чувствах и инстинктах».....	
0.2.10. «Скачки по времени».....	
0.2.11. «Черепаха-красавица».....	
0.2.12. «Оборотни».....	
0.2.13. «Эволюция».....	
0.2.14. «Абсурд прогресса».....	
0.2.15. «Три планеты».....	
0.2.16. «Русский Богатырь Илья».....	
0.2.17. «Два маленьких гномика».....	
0.2.18. «Игра для начинающих».....	
0.2.19. «Мелафон».....	
0.2.20. «Интерпретации сообщения».....	
0.2.21. «Я играю».....	
0.2.22. «Мамочка».....	
0.2.23. «Поездка по векам».....	
0.2.24. Сказка «О теории Вселенского сна».....	
0.2.25. «Поэма о призывнике в армию».....	
0.2.26. «Двойное значение слов».....	
Перечисление всего творчества автора.....	
Содержание.....	
Фото автора.....	

Фото автора до творчества:

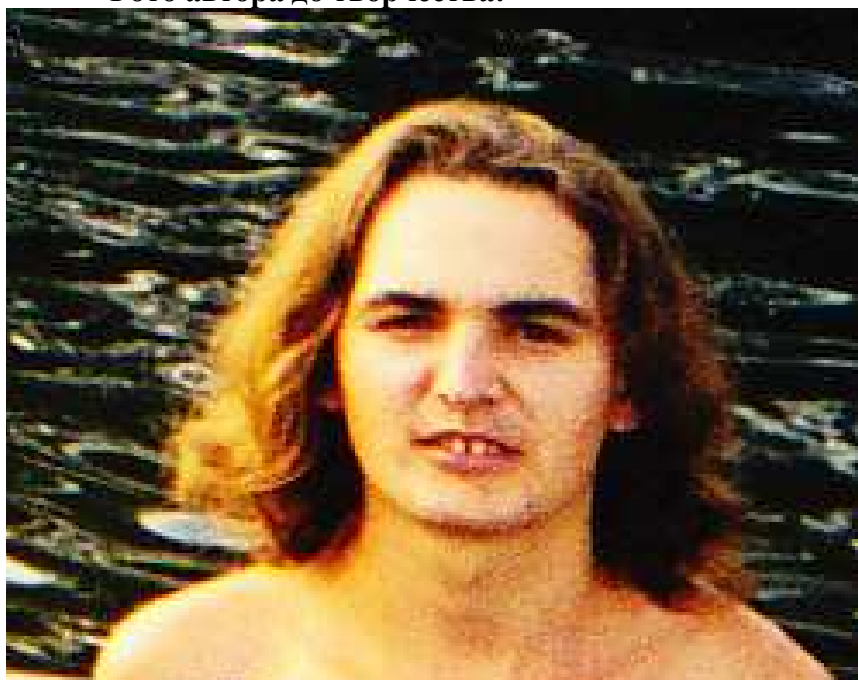

Фото во время творчества:

УКРАЇНА
Міністерство освіти і науки України
Державний департамент інтелектуальної власності

СВІДОЦТВО

про реєстрацію авторського права на твір

№ 31476

Збірник творів "Фантастика и философия XXI века"

(вид, назва твору)

Автор(и) Кириасов Роман Іванович (Априот)

(повне ім'я, псевдонім (за наявності))

Дата реєстрації

22.12.2009

Голова Державного департаменту інтелектуальної власності

Державний департамент інтелектуальної власності

